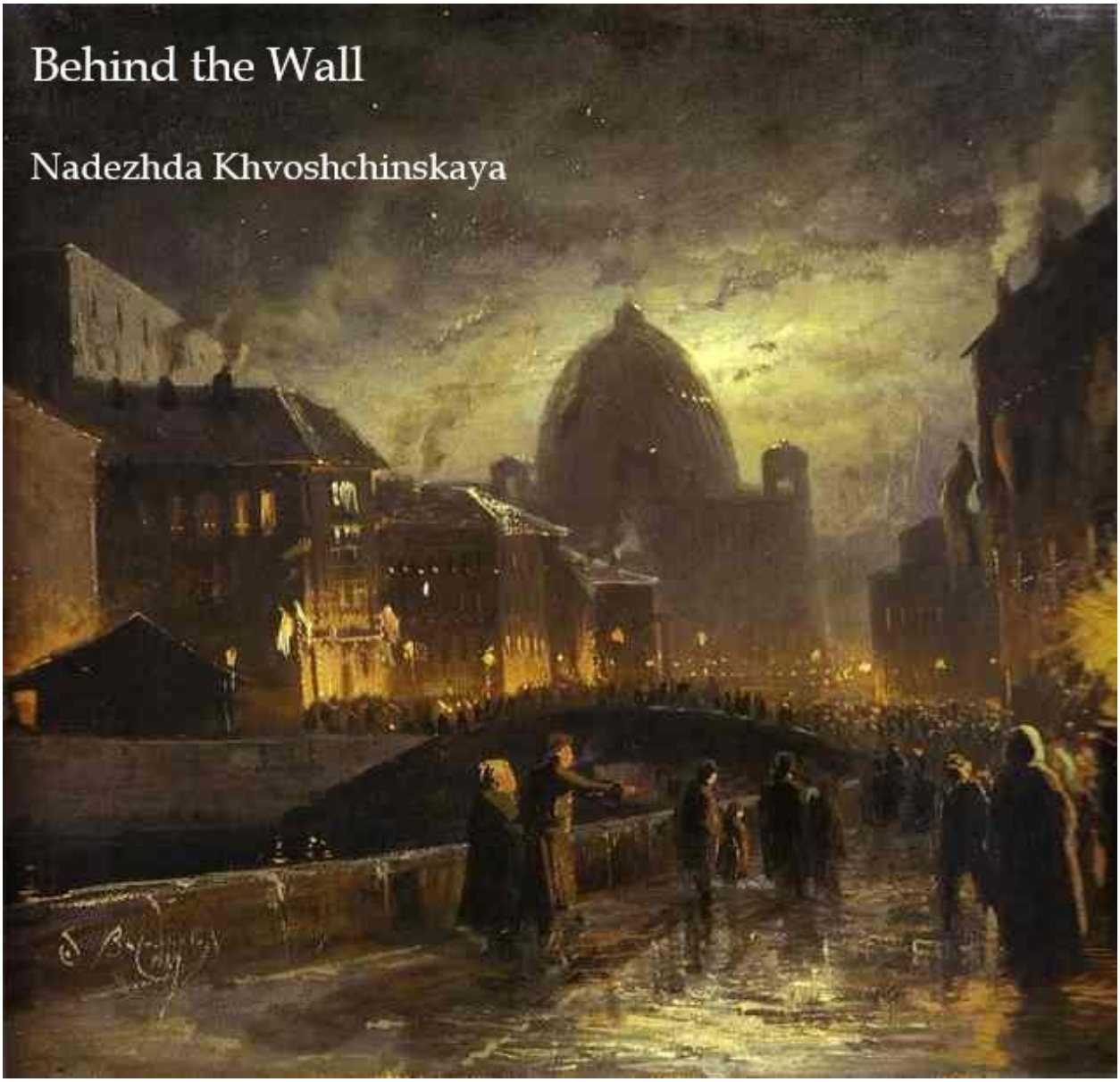
Behind the Wall

Nadezhda Khvoshchinskaya



Behind the Wall
(За стеною)

by Nadezhda Khvoshchinskaya

Translated from the Russian

by Erik McDonald

The Russian text of the story by Nadezhda Khvoshchinskaya, whose pen name was V. Krestovsky, is in the public domain. In this e-book the Russian has been adapted to the modern orthography from the last edition published in the author's lifetime: "Za stenoiu," in V. Krestovskii (psevdonim), *Ocherki i otryvki*, vol. 1 (St. Petersburg, 1880), pp. 9–46. A preface that appeared in only one edition is included: V. Krestovskii, *Romany i povesti*, vol. 8 (St. Petersburg, 1866), p. 201. The translator has also consulted the editions of 1862, 1892, and 1912–13.

The image on the cover is *Decorative Lighting in St. Petersburg* (1869) by Fedor Vasiliev (1850–1873).

Table of Contents

Translator's Note

So much has happened since that it is hard to grasp how transformational the beginning of the reign of Alexander II felt to those who lived through it. The general mood of possibility, combined with unprecedented freedom of expression, meant social change was as rapid as legal and political change. The planned Great Reforms gathered speed through the late 1850s, peaked with the abolition of slavery in 1861, and gave way to reaction after the January Uprising in Poland (1863) and the first attempt to assassinate the Tsar-Liberator (1866).

Nadezhda Khvóshchinskaya (1821–1889) had made her name as a writer, or the name of her male pseudonym V. Krestovsky, in the final years of Nicholas I's reign, but the promise of the late 1850s and early 1860s—and the disappointment that followed this optimistic moment—reshaped her outlook on the world as we see it in her fiction.[1] Her private letters of the time, it is true, sound notes of pessimism and frustration, but what she published makes the late 1850s into "the eve of a great holiday" and the early 1860s "the new life beginning"—a lost opportunity that perhaps looked even more promising in hindsight.[2]

"Behind the Wall" (1862) is a story of the reform era even as its nameless and unseen characters give it a feeling of universality. Khvoshchinskaya's treatment of the "free love" question, or as she framed it in 1865, the phenomenon where "people feel constrained and suffer when no one is preventing them from satisfying their desires and no one is forcing them to suffer," seems complex and sympathetic when you compare it to scandalous novels that were published soon afterward, like Nikolai Chernyshevsky's pro–free love manifesto *What Is to Be Done?* (1863), or on the other side Nikolai Leskov's *No Way Out* (1864), where free love ideology is a scam by and for men who want sex with no obligations.

The unusual form of the story, which is told by an eavesdropper who never lays eyes on or learns the names of the main characters, has always made it stand out. Shortly after "Behind the Wall" took up 27 pages of *National Annals*, a critic devoted 17 pages to it in *Library for Reading*. Imperial critics emphasized the work's aesthetic quality as well as its philosophical sophistication. Soviet scholar Alexander Mogilyansky noted its formal innovation, and more recently Anastasia Ponomareva tied the male narrator-eavesdropper of Khvoshchinskaya-as-Krestovsky's "Behind the Wall" to the female lyric hero of Khvoshchinskaya's poetry, both of them observers who muse about the "impossibility of personal happiness."[3]

---

[1] Evgenia Stroganova has persuasively shown that contemporaries stressed the writer's last name on the first syllable, Khvóshchinskaya, though in the 2020s one often hears it stressed on the second syllable.

[2] See, for example, Khvoshchinskaya's letters to Nikolai Shcherbina of November 19th, 1859, and to Olga Novikova of January 13th, 1861; the quotations are from the narrator of her novella *The Meeting* (Свидание, 1879) and the preface to the 1866 edition of "Behind the Wall."

[3] S. D. [P. D. Boborykin]. "Skromnoe imia. Za stenoi. Rasskaz V. Krestovskogo (*Ot. zap. 1862 g. Oktiabr'*)," *Biblioteka dlia chteniia* 2 (1863): 26–42; K. K. Arsen'ev, "V. Krestovskii (psevdonim)," in *Kriticheskie etiudy po russkoi*

From the translator's point of view, the stripped-down form made some things easy, others hard. Much of the story is just overheard direct speech with hardly a word from the narrator, and for long stretches we feel like we are ourselves eavesdropping, not having a conversation retold to us later. In Russian this is not confusing, since gendered endings on past tense verbs make it clear who is speaking to whom with no need for a "she said" or "he said." In English, though, a sentence like "Why did you change your mind?" doesn't tell us anything about the gender of speaker or addressee, and readers have to work harder not to lose track.

A separate grammatical problem was the unpredictable expressive use of informal "thou" vs. singular formal "you." Often the drama of the main characters' relationship depends on one of them suddenly switching to a cold formal pronoun, then back. In posthumous editions of Khvoshchinskaya's works, editors even put some of these startling pronouns in italics. The same thou/you distinction reveals that the noblewoman in the story speaks respectfully to servants, a matter of controversy in the early 1860s. Two years after this story, Lev Tolstoy would have formerly enserfed characters mock the idealistic nobles who start saying "you" instead of "thou" to them after the emancipation in his play *An Infected Family* (1864).

These problems were simple to understand but hard to solve without ruining the story's subtle efficiency. Since Isabel Hapgood (1850–1928), few have tried to use the obsolete English "thou" in a Russian-to-English translation, and even in her day it was an unusual choice. I tried to solve two problems at once by sometimes adding "she said coldly" or a similar remark when a character switches to the formal pronoun. I hope that will help the English reader both feel the changes in tone and keep track of who is speaking, without adding too many words or sacrificing too much nuance. The one time I have mentioned a pronoun shift in the text is when the narrator comments on it explicitly in Russian because it doesn't seem to come out of the emotional dynamics of the overheard conversation.

This translation exists because Anna Berman said at a 2022 conference that this was one of Khvoshchinskaya's short works most in need of translation and since then has given many valuable suggestions and insights into Khvoshchinskaya's methods and views. I also owe a great deal to Nora Seligman Favorov, who gave detailed and perceptive feedback on the whole text, and Rimma Garn, who caught several mistakes and helped untangle some of the trickiest parts. Marina Frolova-Walker saved me from some wrong ideas about violin pieces mentioned in the story. I'm grateful to Karen Rosneck for sharing her reading of the story and making me aware of layers I had missed. The thoughtful comments of students at the University of Minnesota and Carleton College, who read an earlier draft, have helped shape this version, as have my colleagues at Carleton, Victoria Thorstensson and Laura Goering.

literature, 2 vols. (St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha, 1888), 1: 305–07; A. P. Mogilianskii, "N. D. i S. D. Khvoshchinskie," in *Istoriia russkoi literatury*, 10 vols. (Moscow: AN SSSR, In-t rus. lit., 1941–1956), 9:237; A. A. Ponomareva, "*Nabliudatel'* kak siuzhetnaia positsiia v poezii i proze N. D. Khvoshchinskoi," *Siuzhetologiia i siuzhetografiia* 2 (2019): 28–31.

The first version of this translation appeared on the blog XIX век (xixvek.wordpress.com) in July and August 2023. As always, I am extremely grateful to those who read along and helped me a dozen different ways with their expertise as Russian speakers, translators, and/or readers of literature, including Dmitri Manin, Julia Denne (By the Onion Sea), Steve Dodson (Languagehat), shesh, Maya Chhabra, and Karen Langley (Kaggsy's Bookish Ramblings).

Erik McDonald
Minneapolis, 2025

BEHIND THE WALL

…I had begun to fall seriously ill; the autumn, the rain, the fog, the wind from the sea were starting to be too much for residents long accustomed to St. Petersburg to handle, and for a visitor they were simply intolerable. I had come on business, and to some extent for entertainment too; the very thought of staying in was more frightening than the bad weather. But after challenging the elements too boldly, by which I mean enduring a downpour all the way from Tuchkov Bridge to far-off Italian Street, I ended up catching a fever. I had to shut myself in. I wrote to tell my few friends about this misfortune and ask them to visit me, but one was busy, another forgot, yet another counted on someone else paying me a visit, and no one looked in on me for two whole weeks. I would fire up my stove as often as three times a day and entertained myself reading page proofs. Such entertainment and the silence around me—a silence broken by the muted ringing of the sleet against the windowpanes, the wail of a hurdy-gurdy somewhere far off, hoofbeats and late droshkies clattering over the rain-washed bridge, the tense ticking of the clock, the thick, black darkness outside the window, if I made up my mind to draw the curtain and look out the window, a lantern's red light, so low it could have been on the ground, at the gate of some tavern across the street—all this together cannot be described as conducive to a pleasant state of mind.

I had two furnished rooms; I let them from a gentleman who had divided his large apartment into three small ones, and, living in one himself, offered for rent "comfortable accommodations with service included," as the newspaper advertisement had it. The servant came to light the stove and "do the room," an expression from I know not which dialect that particularly upset me during my fever. The remaining hours of the day I spent alone with my thoughts.

One morning I was awakened by a thump and footsteps behind my bedroom wall. There was so much fuss and the footsteps were so heavy that in the end there could be no doubt someone was moving in. Until that day those rooms had been empty. Waiting until the servant finally came, I found out that a new lodger really had moved in temporarily; that he had his own apartment, but some work was being done on it just at the moment; that this was a man with a fortune, not in government service.

"What can a man who does not serve have to do in St. Petersburg?" I thought, fearing for my calm environment. "He, of course, will have friends who do not serve either. People who have the means, but nothing to do, they like a merry life. Without a doubt they will take to gathering in his rooms. 'Temporarily.' But this might amount to the entire time that I, a man who does serve and has no fortune, can stay in St. Petersburg? I ought to move out, but where could I go in weather like this and with a fever…?"

The fever must be what made me irritable; I felt only hostility toward my neighbor; I was ready to behave unpleasantly to him in expectation of the disturbance he would cause me.

But how cruelly I was put to shame! The lodger did not come home until evening, and after the bustle of the morning move, not a whisper had been heard. The next day the careful steps of "his" servant showed how well this servant had been trained, and consequently to what aristocratic habits the master had been brought up.[4] He was home; I heard all his movements, the rustle of his newspaper, the striking of a match when he decided to smoke. He read all day, wrote letters; I heard him give orders to have them delivered. The load-bearing wall that divided his study from my bedroom had once had an arch cut through it, which had served as a passage between the magnificent salons out of which our "comfortable accommodations" would be made. This arch had been closed off and the resulting partition covered in wallpaper, but a niche remained on my side, with my bed in it. I was certain that each of us, my neighbor and I, could hear everything that happened in the other's room down to the last sound. In my rooms there was nothing to listen to; I wanted to outdo my neighbor in tact, so I retreated to my other room, locking my bedroom door.

My neighbor was not loud, of course, but I respected even his silence: I took great satisfaction in being aware of my moral superiority. But my triumph was short-lived: by evening he had outdone me. The sounds of a violin came from his room, immediately ceased, and "his" servant came to my rooms to apologize for the disturbance. I bristled and replied that it was decidedly all the same to me, that a whole orchestra could be making a racket over there, and I wouldn't hear a thing. I was quite certain that some "amateur" had been sent to me from on high as a punishment, one of those who have recently come to believe in Beethoven and make up for their lack of skill with enthusiasm; but the virtuoso's apology put me under an obligation to keep up with him in courtesy of manner. I could not simply say I enjoyed it; by saying I couldn't hear anything, I indifferently put an end to all future apologies and communications. It seemed to me that I had done well; I had satisfied my caprice; but I was alone with my boredom and my headache.

My neighbor repaid me with a new defeat, one final and absolute: he started to play. Burying my nose in my proofs and telling myself that my nerves had been thoroughly frayed, I began to attend to sounds so charming that I put everything aside, went into my bedroom, and listened, forgetting my earlier whim, thinking neither about whether I was being indelicate nor about my nerves. My neighbor was a remarkable performer; he already seemed to me an excellent man; you can make me into anything you like with music.

In a wave of remorse and gratitude, I told myself I would make my neighbor's acquaintance, and no later than tomorrow. But the next day I felt worse, and he was not home that day or the next. A man with a fortune, he led an idle life, and he probably thought it inappropriate to receive guests in that temporary, cramped apartment. Lying in bed for a night and a day, I heard neither voices nor music until evening, when my neighbor returned and brought with him an acquaintance who must also have been a music lover; they talked for a long time, taking up the violin and playing whatever the conversation turned to; in the end a most terrible musical

[4] The manifesto of February 19th, 1861, freed multiple categories of serfs, but house servants (*dvorovye*) were required to remain in their masters' service for two more years. The scare quotes the narrator uses here may reflect the tension between their nominal emancipation and their actual condition in 1862.

argument broke out, in which I, of course, could not understand a thing, and I fell asleep without making it to the end…

These were particularly hard days for me; my affairs were not going well, people were showing themselves in a poor light; I had a private sorrow too. Life will give us times like these, where everything breaks down, from precious attachments to ordinary connections; everything falls away, it is as if it were buried and gone, seeming to leave behind a blank space, but one painful to peer into; you sense, you know it is not a blank space, but a cold darkness where what had been dear to us, but is now strange and dead, has been laid to rest forever; something is pushing you down, the air is close, it is hard to breathe… And on top of all this, as if to spite you, come failures on every side, petty everyday disappointments; if not for them, you might have had something to console you as you longed for what had not come to pass or had deceived you, you could have told yourself how well things were going… I lacked even the youthful folly for that. All that remained was to sit and work; I was glad I had been forgotten by friends and strangers alike; I was irritated in advance by all their prudent remarks about capriciousness and illness and common sense, their sympathetic jokes, their happy people's wisdom. I would remain bent over papers covered in printed and handwritten letters until I started seeing spots, and then go to lie down. I was not being indiscreet if I heard what was going on at my neighbor's; it all fell insensibly on my ears and only bored me.

Once, in the morning, a few days after my neighbor moved in, I heard his door open noisily, and a woman's dress rustled in his room.

"Hello!" said a woman's voice loudly, happily, and at the same time a bit brusquely, perhaps from fatigue, perhaps from anxiety.

In this word, in its sound, there was a strange pleasantness, something bright; the sound poured out like light into darkness. I rose as if it were me being called…

My neighbor cried out, jumped up; the legs of his armchair crashed down, the chair nearly tipping over.

"Hello, my life!" repeated his guest.

Kiss after kiss, laughter, tears could be heard; sentences were left unfinished, caresses trailed away, embraces were ended and begun anew with a passionate cry, with pet names that were childlike and tender, childish and silly. It was a whirlwind of happiness…

"Are you well? In good spirits? You weren't expecting me?"

"Can it be you? Have you really come?"

"Did you think about me? Do you love me? Aren't you glad to see me?"

"Why didn't you come for so long? Or write either!"

"No, I did write… just before I left…"

"Can it really be you? Let me look at you…"

"My treasure, my light! Tell me, are you glad?"

“Can’t you see?”

“Come over here by the light; I’ll look.”

“Still as mad as ever!”

“Oh, I’m still the same! And what about you?”

“Still the same! But what is there to cry about?”

“I’m just so happy… What about you, are you happy to be with me?”

“My dear, my dear friend, dear…”

“My joy!”

“Oh, you’re suffocating me! Careful, your hat’s fallen off…”

I heard the broad ribbons of this hat whistle through the air; it had probably been thrown onto the couch next to my partition.

“Well, sit down, tell me everything.”

“What can I tell you? I’d have to say so, so much. We haven’t seen each other in a year.”

“No, my dear, it’s been over a year.”

“Were you keeping count?”

“How could I help it! How did you find me here? When did you get to town?”

“How did I find you…? I arrived today at… what time is it now? I just arrived. Did you hear the train whistle? Couldn’t your heart feel it?”

“It didn’t feel anything.”

“Aha. Meanwhile, I jumped out before we had quite stopped; how did I manage not to break both my legs… I can be quite foolish: we’re flying along, and the whole time it feels slow to me! I complained to the conductor about how slowly we were going…”

“Where are you staying?”

“With… I forget… Well, what do you want from me, I’ve forgotten her name! With my cousin… Come, tell me, what’s my cousin’s name? You do know, though. I got there, got my bearings a little, went to your house and was told you were here… What time is it? Nine? Only nine? Later?”

“Later… Oh, what a nuisance! I need to go out at ten.”

“Where?”

“Today is our society’s concert.”

“Today? Are you playing?”

“I am. But that wouldn’t be a problem, the concert isn’t until one; but it’s fallen to me to… I have to be there at ten, sort out some things with the orchestra… A nuisance!”

“Couldn’t you not go?”

“I must… What a bother! Well, why didn’t you come yesterday; I would have said I was sick. It’s your fault…!”

“It is?”

“Yes, yes, it is,” he replied, kissing her. “All your fault, you bad girl, my living torment!”

“My darling…!”

“What shall we do? Here, I’ve got it: come to the concert… yes, that’s it. I’ll head over there, and in the meantime madame can attend to her toilette… How very proper! She is in mourning!”

“Of course I am,” she replied, “I do have a daughter.”

“Decorum demands no less, of course. But you’re even more beautiful, I must say… Then again, I hardly need to pay you compliments, do I…”

“My life…”

I was certain she had thrown herself into his arms: the soft rustle of her dress, her muffled voice… I was eavesdropping, shamelessly… Happiness was there, right next to me, and I bitterly wanted at least to know what it was like…

“It’s astonishing, terrible even, you’re more beautiful than ever! But get rid of that black train of yours, I simply can’t stand to look at it. The inconsolable widow!”

“Inconsolable…” she repeated. “How can you say that!”

“So you have been consoled?”

“You see yourself, I came…”

“Why?”

“Why…?” And she added: “To offer you my hand and heart,” the timid joke bringing out a childlike tenderness in her voice…

“You don’t say!”

“You see… we haven’t seen each other in a year, over a year… It’s true I haven’t even been in mourning eight months, but…”

“But what?”

“But if I really am more beautiful than before, if you…”

“If I what?”

“If I don’t seem old to you…”

“Now what!”

“If you still love me… Oh, you do love me!” she cried ecstatically.

“So, your hand and heart?” he asked, laughing. “Does that mean they weren’t mine until now?”

“Oh, come now…”

“I understand, I do, calm down; I’m joking. So, marriage, then?”

“Yes,” she replied softly.

“What tortured logic made you want that again? You apparently aren’t tired of it yet? You had a good ten years to enjoy it, if not more?”

“Ten years… but with whom? *Him* or you… it’s awful to make the comparison, to say the two together! With you for a lifetime, or…”

“You do me a great honor…”

“Oh, don’t joke about it!” she interrupted him. “When I remember how things were, when I think of it… May he rest in peace…! After all I was also to blame… we both were… Well…! I’ve made up my mind, thought it over: we are free, it’s entirely up to us… That’s so, isn’t it?”

“Just think,” he said, laughing.

“I wanted to put all this in a letter, but then I thought, no, I’ll go myself and bring him this news in person... and to keep people from talking let’s have it done as soon as possible, let’s get married quietly… my *other* wedding was so formal; just thinking about it makes me shiver… When I thought of coming to see you, I was so happy. I was in a rush, I didn’t write to tell you I was coming; you would have met me an hour earlier…”

“Today I couldn’t possibly have met you: so much to do… Oh, it’s five to ten…! Come to the concert; here is a program, you can get a ticket there. An excellent concert; look what a selection of pieces. This is for an Italian family, they eke out an existence here I know not how and wish to return to their homeland… And how about Naples, eh?[5] What do you think of that? Captured, occupied, and that’s it! Do people read about that out where you live?”

“Are you really going already?”

“I am, darling. Forgive the breach of courtesy: I am obliged to abandon you. After the concert, if you are willing…”

“My God, am I really with you?”

[5] Shortly before “Behind the Wall” was published, after an invasion by troops under Giuseppe Garibaldi (1807–1882) culminating in the Siege of Gaeta (1860–61), Naples went from being part of the Kingdom of the Two Sicilies, to the Kingdom of Sardinia, to the Kingdom of Italy.

“Tell me, what made you decide to stay at your cousin’s? I mean, that’s unbelievably far from here, the other side of the world. Couldn’t you have come to stay with me?”

“With you?”

“Yes, if I’m the reason you came in the first place?”

“But what about my cousin…”

“Well, it’s true she’s your cousin, but I’m something more than a cousin. Isn’t that right?”

“Oh! You’re joking,” she said with a laugh when her embarrassment had passed. “And stay with you where? There’s hardly any room.”

“So much the better.”

“My God, am I really with you?” she repeated. “Are you glad, are you happy?”

About a minute went by without another sound. Her dress rustled by the doors, and he said,

“Well, farewell, goodbye.”

She left; he walked out the door with her and came back in, humming the theme he had been playing on the violin. He was off-key. It seemed to me he was singing not for joy, but in a sort of offhand way. In the meantime he got dressed, and soon afterward he left.

I was strangely intrigued. I could not get my mind off this newly arrived guest. I tried to imagine her and—stranger still—had no desire to see her, on the contrary, I would have tried to avoid meeting her had any such meeting been possible.

It was enough for me to know that this woman was beautiful and in love; I did not need the details one discovers upon acquaintance; what I felt as I listened, what made me long to hear the sound of her voice behind my wall was not curiosity in the sense in which we are interested in the lives of those close to us; it was a curiosity about something abstract; I can’t even come up with a word to describe it—aesthetic curiosity…

For two days my neighbor was only home in the morning; various visitors came to see him, and when they did I retreated into my other room. Once it occurred to me that I might learn something about the earlier guest from my neighbor’s conversations with them. This thought practically frightened me: I didn’t even want to know her name. But she herself was turning into something I needed; I began stubbornly waiting for her; I missed her, grew impatient, and finally my waiting came to an end.

After those two days, in the early evening, there was a gentle ring at my neighbor’s bell and the rustle of a dress; I had only heard it once, but I was used to it, I had memorized it, I recognized it, and I rushed into my niche, delighted. My neighbor’s door opened.

A “hello” rang out as it had the first time.

“Oh, good evening. Where have you come from that you’re so dressed up?”

“It’s not where I’m coming from but where I’m going. To see you. I was on my way to the opera, changed my mind, and came to sit with you for a while. Hello! Give me a kiss!”

“Why did you change your mind? You haven’t heard *The Prophet* yet, have you?”[6]

“No. But there are plenty of things I haven’t heard and won’t hear! I’d rather be with you.”

“I’m going to the opera myself.”

“Stay.”

“I can’t.”

“Have you promised someone?”

“No.”

“But you’ve heard *The Prophet* so many times!”

“I can’t. Why shouldn’t I give it another listen? It’s a good piece.”

“So it’s just for love for music? You wouldn’t perchance be deceiving me, good sir?”

She was joking. The expression a woman’s voice gives such a joke is agonizing. I don’t know how others react, but my ear is always sensitive to it.

“And just like that she has me being unfaithful!” he protested. “Are you the jealous sort or not? I seem to have forgotten.”

“Forgotten, have you? No, I’m not one to be jealous, but the thing is… I’ve been here for four days, and we still haven’t seen each other.”

“What do you mean, we haven’t seen each other? There was yesterday, and before, coming out of the concert…”

“Well, yes, for ten minutes at a time…”

“How could it be longer? That’s how it goes with visits; you decided to stay with others. And you have every right, though you could have stayed with me.”

“I’ve told you why I can’t do that.”

“I heard; you are afraid of compromising yourself.”

He said this sharply; the phrase seemed to have slipped out against his will. There was a moment’s silence; it would have gone unnoticed by anyone not following their conversation with their whole heart… She began to speak quietly, steadily, casually, but in a voice that seemed rather shaky.

---

[6] The opera *The Prophet* (*Le Prophète*), with music by Giacomo Meyerbeer and a libretto by Eugène Scribe and Emile Deschamps, premiered in Paris in 1849. It was performed in French in St. Petersburg beginning in 1853, the censor having demanded cuts and a new title, *The Siege of Ghent* (*Osada Genta*). A translation into Russian by P. Kalashnikov would appear in 1869 under the title *Johan of Leiden* (*Ioann Leidenskii*).

“Me, compromise myself! That’s a new one! If not everyone knows I love you, they all suspect it… I don’t want it out in the open, or people talking… never mind all that! People are talking already, and…”

I couldn’t hear the end; at that moment, my neighbor made a thump with the candlestick; when he spoke, you could tell he was smoking.

“You call that shame? I suppose it is from your point of view, but not mine. It’s different ways of seeing things. There is a great deal that we understand differently.”

“This we understand exactly the same,” she objected forcefully. “It would seem I prove that by my actions: see, I am here regularly; that wouldn’t be hard to find out for anyone who wanted to.”

“So you can summon up enough courage for half-measures, but to do it all at once… why even discuss it! You see the matter one way, and I another.”

“For God’s sake! Don’t be angry.”

“I’m not the slightest bit angry… For heaven’s sake, how could I be, what right do I have to demand that you go against your wishes for me… against your convictions… This sort of thing must be freely chosen; you knew I would have liked to have you here with me; it follows that you yourself did not wish it…”

“What do you mean, I didn’t…?”

“Of course you didn’t. But why even talk about such trifles; it’s over and done with…”

“For God’s sake, don’t be angry…”

“I’m not, not in the slightest, I told you.”

“I implore you, darling, my life, don’t look at me that way…”

She stood up; she was probably wearing a heavy silk dress: its pleats rustled smoothly and slowly; she was walking up to him.

“Listen… don’t look at me that way.”

“How should I?”

“No, here’s the thing… For God’s sake, listen. This is important, here’s the thing… What will come of this? I mean, I am to be your wife…”

She stopped; he was silent; she seemed to wait for him, then went on.

“See, then… if they find out before that, people will start to talk… well, they’ll say that you married me… I can’t bring myself to say it…! well, out of generosity, to put an end to the matter somehow. I don’t want that kind of charity!”

“How proud you are!” he interrupted her.

“Come on, you know what I mean: I don’t want outsiders to call it an act of charity! But your charity… will be true charity all the same! It wouldn’t be any less, would it? Don’t I sense that?”

“Don’t rub your eyes,” he interrupted her. “Don’t hide your eyes, the tears are rolling down your cheeks beautifully. You think tears ruin the way you look? Let me see your eyes… What? Again you ask if I love you? You can see… Look, your lace; you’ve got it caught.”

“Oh, who cares!” she cried as joyously as if some great misfortune had passed her by. “Darling, let’s stay! Don’t go! Don’t leave! We haven’t really seen each other: so many people always around; we haven’t had a chance to have a real talk…”

“There will be plenty of time for talking,” he protested. “Let’s go together. To listen to something good together is also quite nice. Isn’t that so?”

“It is…” she said quietly.

“Then let’s go. Are you in a carriage?”

“I am; it’s waiting there. And you say I won’t compromise myself.”

“Then wait a moment; I’ll get dressed, you can give me a ride.”

He went out, she remained alone; coming back, he said,

“I’m ready; let’s go. Did you read anything here while you were waiting?”

The formal “you” he now used was likely due to the servant’s presence.[7]

“No, I was just looking around… It’s nice here…”

The door closed behind them.

A few days went by. I did not feel any better, but I would not in any case have risked going out in that weather. Curtains of storm clouds rose one after another, poured down, and rose up again; the sun teased us, peeking out in the mornings at walls gray from damp, at the muddy embankment; decay was particularly in the air on these mornings; decay crept in, wet and warm, through the small window open for ventilation, along with the chimney-smoke and the steam from the horses. You could hear deliverymen talking and shouting, but mostly coughing; coughing resounded in the air; the pigeons that were pecking around the cabmen’s hitching posts, imagining the sun was about to shine in earnest, would fly up onto illuminated pinkish windowsills dripping with moisture—even the pigeons cawed hoarsely, in irritated Petersburg voices. The sun’s rays died slowly away; a rare distant bell responded with a dying chime. Darkness would fall suddenly and low, seeming to seize you, and over and above the rushing footsteps and hastening wheels there came a long earsplitting whistle announcing that yet more people had arrived by the Nikolaevsky Railroad to savor the autumn pleasures of the

[7] The man and woman mostly address each other with the intimate “thou” when alone, sometimes temporarily switching to the formal “you” at emotional moments. The narrator usually does not remark on these shifts, but specifically notes this one in the original Russian, evidently because he thought it required an external explanation.

capital; then the last three whistles, the ones that envelop the latticed vault over the platform in white puffs of smoke, each one clipped like a cry of pain and defenseless fear…

It would get dark enough for lighting candles. In the morning! My yearning for daylight was overwhelming; I would put all my work aside and go lie down.

There was not so much as a rustle behind the wall. My neighbor would leave practically at dawn and got back very late. No one came and asked for him; he probably managed to visit everyone who needed him during that time.

I heard *her* ring; I recognized it. She was turned away. They had probably seen each other the previous evening; in the morning she had probably remembered something left unsaid… She woke up thinking about him; she wanted to meet the morning with the same happiness with which she had spent the evening. She lives far away; the sun had been out when she left home; now it was raining. I imagined my neighbor's dismay when he came back and learned who had come in his absence.

Evening came. My neighbor's servant unlocked his apartment and, standing by its doors in our shared corridor, he invited the landlord's servant in to talk. This was too close to my sitting room; their conversation promised to be loud, and I gathered up my papers to move to my bedroom when I heard a voice I knew:

"Is he at home?"

"No, madam."

"He has not come back yet," the landlord's servant added.

"Do you happen to know whether he is at the theater?" she asked after a brief silence.

"No, madam."

"How would you know? He might be at the theater," observed the landlord's servant.

"He might be."

"You didn't see if the gentleman had a ticket, did you now?"

"I didn't."

"The gentlemen will go out without telling us where they are going," the landlord's servant went on. "How could we know?"

"Would you care to wait?" my neighbor's servant asked obligingly.

"I shall write him a note," she said. "Bring me a light."

She went into the room; something heavy fell on the couch, probably her cloak.

"Bring me a light," she repeated.

"Right away, madam," the servant said from the corridor in his cheerful voice.

She jerked the chair back; her arms thumped down on the desk; there came the sound of a brief exhausted sigh.

She was in darkness, alone. The servant came in, probably with a candle.

“There isn’t any stationery, madam,” he began as something gentle, probably her fingers, moved the papers and books on the desk. “The gentleman’s writing paper is all embossed with his initials; he keeps it under lock and key.”

“I’ll find something; you can go.”

“All there is here is music paper. Wait a moment and I’ll bring some; I have some, but it’s just ordinary paper. If you wish, I can ask the lodger next door for some stationery.”

“The lodger next door,” meaning me. I don’t know why, but not for anything in the world would I have given *my* paper for what that woman wanted to write. I didn’t know what she wanted to write, but let anyone else give her paper for it, just not me…

“There’s no need!” she said loudly and impatiently. “Give me what you have.”

The servant went out. She waited a long time. She did not move a muscle, other than once when she cautiously and awkwardly trimmed the wick of the candle: she had been given a tallow one. Apart from that, not a movement, not a rustle of her dress, not a breath.

“Here you are, madam,” came a voice. “I apologize, I was mistaken—I didn’t have any. I got some at the shop. Stationery, madam.”

“Thank you.”

Her coin purse clinked.

“Will you require any change?”

“No. You can go: I don’t need anything else.”

“The wax and seal are here, madam. Or if you prefer, there are paper seals…”

“All right; I’ll find everything; you can go.”

“Here you are, madam. Metal-nibbed pens, or, if it is more suitable, quill pens.”

Finally he left. For a long time nothing could be heard; suddenly her arms and her head fell to the desk, heavy and listless—and then came loud, irrepressible sobs with cries and such trembling that the desk moved and struck my partition… This lasted a long time. She could hardly breathe for sobbing, her tears periodically interrupted by desperate words, terms of endearment, and passionate kissing of the very desk onto which she had collapsed. I heard her wringing her hands. Suddenly she jumped up, rushed to the door, and locked it; I heard her fall to her knees; I heard the words of her prayer, if they were indeed words, if that agony could indeed be called a prayer…

She regained her composure and got up quietly, slowly; she was either exhausted or resigned; she cried quietly, like a child. She tried to put herself in order, get her bearings; again the

scissors snipped at the dirty candle, papers rustled. She wrote, quietly at first, still crying, then hurriedly, without looking over what she had written, and she stopped abruptly; the blotter thumped, the sealing wax hissed. She picked her cloak up off the couch and opened the door.

“The letter is in there; see that he gets it,” she said to the servant.

“Farewell, madam,” he replied.

My neighbor got home very late and rose late the next day. He drank his tea at his desk, next to my partition.

“Where did this letter come from? Who brought it?” he asked.

“It was the lady with whom you went to the opera on that occasion, sir,” replied the servant. “She came twice yesterday and wrote the letter here.”

He was probably saying all this as his master read.

“Very well,” said my neighbor at last. “Don’t go off anywhere…” He was silent for a while, seemingly indecisive.

“If anyone comes, you will say that I’m not here… that I’ve gone out for the whole day and will be back at one or two o’clock in the morning.”

“Very good, sir. Do you wish to dress?”

“No.”

My neighbor stayed home and was especially quiet. A bit later the doorbell rang. His servant sprinted to answer it. My neighbor got up cautiously and went out, probably to his second room. I heard *her* ask for him and heard how she was told all that had been commanded. She left.

“What can this be?” I thought.

From my other room I could hear her walk down the corridor, stop as if tempted to return, but then continue on her way. I felt a mad desire to go out and say to her,

“He is deceiving you: he is at home.”

He remained at home for the entire day. In the evening he played the violin for a long time. I no longer enjoyed his playing.

The next day we had sun in the morning. He was in a great hurry to leave. Was he afraid she would come?

By evening the weather had made up for itself: it grew dark and poured so hard it seemed we had never seen the like. The cold broke me; I put my work aside and lay down; I did not even have the strength to read. My neighbor came back, cursing the rain, and called for a fire to be lit in the fireplace; it was the first time I had heard him make use of this luxury in his “accommodations.” His servant asked leave to go to the theater on the grounds that he would not be needed: no one was likely to come by.

“I don’t think,” replied my neighbor, “that anyone will set foot outside. Go ahead.”

Sleep would have been the best thing for me, but it refused to come. My neighbor warmed himself by the fire, smoked, read, walked back and forth around the room, finally taking up his violin. This drove me to distraction. He was practicing something, some *Carnival* or *Storm*, repeating passages a dozen times, to my annoyance.[8] I would have left if I too had a fireplace in my other room, but it was cold there, and the stove was starting to smoke. I wanted to call out to him that I was sick of him, but I didn’t, I don’t know why, and I angrily thrust my head under my pillow. This muffled the sound, of course, but as the violin played on, its screeching grew ever more furious; I was now sure it was *Carnival*. It ultimately turned into a shriek and roar that kept the musician from hearing two very loud pulls at the bell; it was only the third, even louder, and a knock at the door that interfered with his inspiration.

“What can that be…?” said my neighbor loudly as he went to open the door.

I could hear the prolonged “Ah…!” that he always used to express surprise, but this time it sounded rather disconcerted, not entirely pleasant, and then all was quiet.

He was not alone when he returned to the room.

“I was sure you were home; it’s not the best weather,” said a tired, halting voice.

I jumped up: it was her.

“Absolutely wretched weather,” he replied in the didactic tone used for speaking to someone younger. “I don’t know how anyone could set out to go so far. I’ll go put some more coal on the fire.”

“No, it’s all right… don’t,” she said quietly.

“It’s just that this could lead to a cold.”

“No, it’s fine. I’m warm. I’m not interrupting anything?”

“How?”

“What were you doing?”

“Practicing, going over some etudes. What else do I ever do? This keeps me busy every evening.”

“I’ll sit here a little while and rest,” she said.

“By all means,” he replied coldly. “Surely that’s why you came all this way, to sit?”

I thought she had taken a step toward the door. No. That was her taking off her cloak, and then she sat down on the couch, near me.

[8] The first piece referred to could be Niccolò Paganini’s (1782–1840) *Carnival of Venice* (*Il carnevale di Venezia*, c. 1829). It is not clear which piece is meant by *The Tempest*. I am grateful to Marina Frolova-Walker for commenting on this passage.

“I was here the day before yesterday,” she said.

He said nothing.

“Twice.”

“I heard.”

“And I left a note.”

He again said nothing.

“Did you get it?”

Before each question she paused as if gathering strength for each one.

“Yes, I got it,” he replied brusquely and with such indifference that it immediately became obvious this indifference was forced.

He picked up what must have been an ivory knife from his desk and started tapping it against his papers.

“You neither answered my note nor came to see me.”

He said nothing.

“You don’t want to talk now either?”

“I admit it, yes,” he said brusquely, dropping the knife. “Yes, I don’t want to talk; I didn’t want to see you because… not to put too fine a point on it, I find it quite painful.”

“Why?”

“A very strange question. You write that it is painful for you, so why should it be easy for me?”

“Then we have to do what it takes to make things easy,” she objected. “We have to tell each other…”

“There’s nothing more to say.”

“There isn’t?”

“There isn’t. Everything was said three days ago.”

“You wish it to be so; you believe everything has been said, but I don’t. You can’t cut someone out of your heart just like that, you know.”

“I thought so too. But the one to decide was you. You had the last word. So be it.”

“It would be better if you told the truth,” she cried, “the truth, the whole truth all at once, right now: you don’t love me anymore… Say it, for God’s sake, don’t torment me any more, it’ll be easier for me that way, I swear; maybe you’re afraid to say it, maybe you’re still trying to protect me? I promise you I’ll be able to bear it, I won’t do anything awful to add to what you have on your conscience. I’ll forgive you. If I die, I’ll die quietly, I won’t kill myself. It’s this not

knowing that's worse than anything—I'd do anything to put an end to it. For the sake of God Himself… should I get down on my knees, just tell me…?"

"What am I to say?"

"Don't touch me, stay like that… When I was happy, I was always at your feet like this, remember? God, was I happy…! Well, if now… if it's all over, if you love someone else… O Creator…! No, it's better if you say it straight out, all at once… That would be the more honest thing, do you realize that? For a year, really for more than a year we didn't see each other… You could have forgotten me or met someone better… I'm sure it wouldn't be so very hard to find someone better than me, it would be quite natural… But no one can love you like I do, no, it's impossible! If I'm being killed someday, tortured, let me just be reminded of the day, the hour when you told me you loved me… My darling, my life! waking, sleeping, in death I am yours! Say a single word, tell me what to do… Put an end to this, for charity's sake; you can see what it's doing to me…"

"Enough, darling," he said, just barely managing to interrupt her. "My word of honor, I have not loved anyone more…"

She cried out.

"God, God! Not anyone? Really, no one?" she repeated, kissing him and sobbing, "you never have, and you don't now?"

"Well, I can't say 'never,'" he went on. "A year is a long time; there were occasional infatuations…"

"Oh, God will forgive you for those!" she replied with a burst of sincere laughter in the midst of her sobs.

"But I did not love a single woman as I loved you; I am free."

"Then why are you pushing me away?"

"What do you mean?"

"Forgive me, for God's sake, I don't know what I'm saying. Then why don't you want to marry me? If you care for me, if… God, if you don't despise me for being unfaithful to my husband… I did it for you, but still, you could still say that I was a bad woman, couldn't you…"

"You've gone mad, darling, think what you're saying…"

"Honestly, however many times I've spoken to you, asked you, begged you, and now written to you, you keep saying no; I can't understand your reasons. It's death for me. Think, this is why I came to you, flew to you. You're free, I'm free—at last I've lived to see the day, suffered my share, five years of suffering… I don't dare tell you—you'll consider it a reproach—what *he* did to me because of this love… God will forgive him; I don't want to recall it, I'm with you! And I'd like to be with you my whole life, wherever you want, here, at the end of the earth, together…"

"Tell me, what do you need this marriage for?"

“Darling, what do you mean, what do I need if for? I’ve told you! My conscience… this is on my conscience! Before both God and men… people won’t point at us or insult us. Do you know how they’ve insulted me? Have you noticed… oh, you men never see it. Whenever it’s happened that you and I are together somewhere, have you noticed how people looked at me? They make eye contact and just stare and wait… And then the hints they drop and the things they say… They come right out, like it’s nothing important, like they’re a friend, they come right out and ask. I mean, even that cousin of mine who I’m staying with now asked… And I lied! Darling, you’ve never lied! You can’t imagine stooping so horribly low! Sometimes I’d be blushing all over and just praying to God that I shouldn’t entirely lose my composure, that I shouldn’t be struck utterly dumb… And then one thought of God, and my daughter’s right there in front of me, she’s already a big girl, you know, she understands… Lord, if your wrath has not turned on me once and for all, give me at least a year, or just a month… just a day of honest living, honest happiness…! My joy, my light, my life…”

She collapsed, she must have thrown herself at his feet; her sobbing could be heard right down by the floor. He lifted her up, brought a chair over; I could hear the carafe being moved and the splash of the water as it was poured into a glass. For a few minutes all was quiet.

“Well?” he said in an affectionately drawn-out way, with a note of reproach and amusement, as one speaks to a child, “are you all done crying?”

She let out a quiet but troubled sigh; the sigh was suddenly cut off: she must, of course, have buried her face in his chest.

“All done!” he repeated. “Now can we talk…? You mad little girl of thirty, why are you torturing yourself?”

“Oh, Lord! How nice it is to be with you…!” she said.

“Yes, yes, it’s right back to God! Praying to God and abusing people at the same time… My darling, how does this make any sense? Eh…? You’re both jealous and on edge. How can you live like that?”

“Have I ever lived?”

“All right, if that’s the way you want it, I’ll say my piece too! So even if you didn’t have the strength of will to leave your lord and master five years ago, you could at least not worry about what fools have to say—who cares about them. Leave them to their hints and whispers, what does it matter to you? You know me, you’re sure of me… you are, I suppose?”

“How can you ask!”

“No, but I do ask. You must not be entirely sure of me, you must not entirely love me, if you’re so frightened by foolish talk or some ravings of that cousin of yours. Anything solid and real is above such trifles…”

“What’s that? What are you saying isn’t real?”

“Come, come, don’t get excited, calm down, take pity on me too; do you think it’s easy for me to see you in such a state…? Listen to me instead. If you were the sort to be interested in one

man today and another tomorrow, there would be no point in even discussing things. I wouldn't care about you so much then…"

"You care about me?"

"Have I told you something you didn't know?"

"Darling…"

"Listen. With a love like yours, that's when you need strength of will the most. Otherwise what do you end up with? Are you going to be just like some shallow woman who is just 'oh me, oh my' and nerves…? That isn't enough. People need to live, they should support each other."

"What do you think I want, what have I been asking you for?"

"You, my soul, have been asking… Please stay calm and listen. You are asking for each of us to put the other on a chain. You know I always saw it like that. What I'm offering is this: live with me, be my everything. What's the point of winding this cord around people and then pushing them off with a 'don't you dare go your separate ways'? A thing to frighten scoundrels, that's what this marriage of yours is; for honest people one's word is enough… Why are you looking at me like that? You don't trust my word?"

"I do trust your word," she said with effort (her throat had gone dry); "if I stay and live with you, you'll never leave me?"

"As long as you don't want that yourself, I never will."

"I'll never want that."

"Splendid; so much the better for me."

"Then does it matter, if it's forever, whether I am your wife or your lover…? No, wait, hear me out. You say your word is sacred to you, just as good as being crowned bride and groom.[9] Fine. Then it follows that you'd like it better to have a woman with no name by your side instead of a woman who would bear yours? Not one people would respect as your wife, but one at whom any… servant of yours… would point a finger?"

"My darling, these ideas are…"

"Oh, no, no, spare me those 'ideas'! I'm sick of talking about 'ideas,' I don't understand them… All right, so I don't have strength of will, I'm no good at contempt… Leave that aside. That's not what I'm talking about…"

"What then?"

"About you. I'm talking about you. So, I'm living with you, not your wife, but your lover. I can't understand it: is that more alluring for you, then? What makes it more alluring, tell me? Will my shame make me more charming to you, or more intelligent or beautiful or something…?

[9] In the Orthodox Christian wedding service, the priest places crowns on the head of both bride and groom; this crown can be used as shorthand for the ritual and the institution as a wedding ring might also be.

Meanwhile I'm telling you I won't be able to bear it, I'll go out of my mind, I'll cry myself dry, that's how it will be! You'll abandon me because you're tired of me; my mind, my emotions, my willingness to please, all that will wither away: I'll be lost, I'll become repulsive…"

"And why? Because of society's false shame!" he interrupted her. "What kind of love is it that bows its head before such nonsense? You call that love?"

"Wait!" she cried. "Tell me this first… All right, fine, I'll have strength of will, I'll hold my head high and put aside shame; look inside yourself and tell me, won't I then disgust you? You, yourself? What…? What will I be like then…? Why aren't you saying anything? Who knows what might suddenly come into your head? How do you know to what extent you love me because… how can I put it? Precisely because I don't have that strength of will, because I am constantly frightened or ashamed and reach out to you for support… You find me charming when I'm scared like this, but then you might take another look and say: 'there are plenty like her…'"

"What ridiculous things you are saying!" he cried. "Comparing yourself to lost women! As I respect you, I want you to be free, I don't want to have any rights over you…"

"Darling, what kind of freedom is that, what do I need it for? Happiness for me is being yours, entirely yours, your property, your slave! That's what happiness is—giving yourself to someone before God forever and ever. I want that, so give me what I want! Why make it complicated? You don't care whether we get married or not, and I am begging at your feet, take me, bind me, let the whole world know that I voluntarily give up my freedom… My dearest! But what's the point of saying all this? What else can I say to you? You know… Come here, closer, bend down, embrace me… Lord…! Look at me. I'm worn out like a little child. The day before yesterday, all day yesterday, all day today I've cried and cried. I wait for you to come, and you don't. I look around, and no, you're not there… Now, Lord, what a night, what darkness! I don't know, I've reached the point of despair. I look out the window and think, 'we live in the same city, it's not far, *he* is mine; even if *he* loves another, I'm still *his*; no one can take away what has happened…' I jumped up and ran to you—do you know, I caught a droshky at the corner? I ride and cry. 'My God,' I think: 'give me… but give me what? If I could just press myself against you, shelter myself in your arms, die here… My dove, my sweet…'"

She said this quietly, without stopping, the way children tell stories, crying. She went on:

"Because I love you so much! You can't have any idea. I've been yours so many years. It's time to breathe easier. I mean, the bad part is over; God will forgive whoever was to blame. Others have made me cry, I don't want you to. Enough. Say yes and it's enough. Kiss me… You were joking; God knows what made you say all you said that way. Say yes. That's all it takes. I'm worn out, you're worn out… Well, say something… say something! Look! Do you have the heart to turn down a wife this beautiful, this much in love, this mad? Tell me now! He even waits to be asked…"

"You *are* mad," he said, and nothing could be heard but kisses.

"Well?" she said after a few minutes.

"What?" he asked.

“What do you mean, what? Speak, make your decision.”

He did not answer.

A few more minutes of silence went by, no longer interrupted by anything; this was anticipation…

“Let go of me, enough!” she said abruptly: she was offended.

“Wait. Sit down and listen,” he said quietly, as if deep in thought.

“What else am I to listen to?”

“You are the one who wanted to talk things over. I knew beforehand that a conversation would serve no purpose; but we have started and must finish. We understand things differently; that’s what all this is about. We must sort that out before anything else…”

“The social question!” she cried, laughing out loud; “what, that again? That’s all I needed! Three days ago I heard more than enough about that question of yours! He’s driving me away, destroying my soul, and he wants to take up the social question! Isn’t that lovely…! Go ahead,” she added coldly, “I’m listening. I don’t care anymore. I should have expected this… To forget your conscience, to forget God, and to receive in exchange an invitation to help work out the fine points of the social question… My God, my Creator…! Speak; I am listening.”

She sat down on the couch near me.

“Here is what I’ll ask you to do,” he said quietly, walking up to her. “You believe you are right…”

“And you believe you are right.”

“Well, yes. Believe you are right, only remember: I love you…”

“You love me as your lover!” she cried furiously. “You love me as a thing! I’m beautiful, you think it would be a waste to let me go! What I feel doesn’t matter to you! My dignity, my suffering—none of that matters to you! I’m pretty and that’s all, ‘if I get tired of looking at her and her caresses cease to thrill…’ What, indeed, would be the point of a permanent bond…”

“How on earth could you want to form a permanent bond with me?” he interrupted her without raising his voice, but firmly, with strength and dignity. “Think what you’ve said! I am an egoist? I am a brute, my love for you is only sensual?”

“I am not a child; I understand…”

“Do you understand that there is not an ounce of love in your words?”

“That’s insulting!”

“Who is insulting whom? Do I fail to respect you, or do you not respect me? I have told you, proved to you, repeated many times and continue to repeat that I love you; I only say that I do not want formalities or a ritual, I want trust, simple, straightforward trust in the other person’s word, as between honest people; I want freedom in our relationship…”

“You don’t want freedom,” she interrupted him, “you are just afraid of having a duty to perform.”

“What duty?”

“The duty to take care of your wife, respect her…”

“I respect and take care of the woman I love.”

“And to prove your respect, you make her a spectacle to be judged by all of society… There’s an idea of duty!”

“And how do you understand duty?” he interrupted her. “I have done nothing to offend you, and you swear oaths of love, get down on your knees, shout ‘marry me!’ and just now you said I was a scoundrel? How should we live together after that…? Of course, that’s just how it should be for a married couple! Everyone who’s married knows that bliss: one moment they’re at each other’s throats, and then… But sure, it’s a sacred union! Blessed by God!”

He laughed out loud and pushed aside a chair as he paced the room.

“I asked you to leave my beliefs alone,” she said.

“I’m not attacking your faith, calm down,” he objected coldly. “You have your ideas, I have mine: to each their own. There is just one thing I can’t make out: how do you make your peace with them?”

He stopped in front of her.

“These marriages of yours… when someone understands a man to be as you just made me out to be, that he doesn’t value anything, doesn’t respect anything, only needs women as lovers—you hear things like that all the time…! Marriages like those, how do people like you have the nerve to call God’s blessing down upon them… if, that is, you believe in God? You all have God on your tongue every moment. Granted, if I, hopeless man that I am, try to explain it, I’ll say the wrong thing, say it my way, but how does it look to people with your beliefs? I have no ideals; you, with your ideals… you don’t find them disgusting, an abasement, a mockery, these transactions, these cohabitations, these vows of forever—which means until the first dashing young man rides by, until the first vile woman comes along selling her charms. All this is sanctified, all this is… how does your kind put it…? Lawful? Do you know, if it were unsanctified and unlawful, it wouldn’t be so revolting. That’s the thing—if people are animals, then let them live like animals. It would be more logical, at least…”

His voice gave out from an agitation that he no longer tried to hide.

“And that isn’t an insult either?” she asked abruptly, without emotion.

“What?”

“What you just said,” she replied coldly. “That I am prepared… how did you put it? To throw myself at the first dashing young man to ride by? I quite liked that expression.”[10]

“Did I say that?”

“You are forgetting your own words.”

“About you?” he cried.

“Who else? I was unfaithful to my husband…”

“If that’s how you choose to hear everything…” he began and then stopped. “Yes, it doesn’t matter, it’s better this way,” he went on hurriedly and without raising his voice. “It’s better this way. You said—after five years of love!—that I love you only as a lover, and now you’ve completed the picture: I am capable of saying something that repulsive to you… Get out…”

She threw herself upon him.

“I don’t need your tears!” he shouted, pushing her away. “I’ve had enough of your nerves! Your kind is made of nothing but nerves: your love is just nerves, your God is just nerves… Forgive you? What? Can forgiveness undo all this? Your soul is being destroyed”—he imitated her voice—“and you think I’m having a good time?”

She fell onto the couch and sobbed.

“I’ll tell you what you want,” he went on firmly, one phrase at a time, as someone irritable would, “you want a position. Your *renommée* is terribly precious to you. This is the other side of your pangs of conscience, don’t deny it! Suddenly there is your daughter, and your maternal love, and all kinds of things that were never so much as mentioned before. You’ve had your fill of social questions, and I’ve had mine of *that*. You should have thought of that before, when you were assuring me that I was the most important thing for you. Why did you say more than you meant? Now it’s come to proof, and you retreat into nerves! What is this, love? Think it through, look at the situation and simply say, ‘I am deathly afraid that this or that cousin or Madame so-and-so will close her doors to me…’ But you don’t fear God, that’s nonsense! If you did, there wouldn’t have been anything five years ago either…”

“You don’t believe that either?” she cried heatedly.

“I don’t.”

“But how am I to prove to you that I can’t bear to look at myself? What can I swear by…”

“Nothing. I won’t believe you. I see what this is.”

“What is it, then?”

“Must I repeat it a hundred times? Cowardice, pettiness, a love that isn’t strong enough.”

---

[10] The previous nine paragraphs were modified to appease the censors when “Behind the Wall” was first published in 1862.

“I don’t love you?”

“What else can I conclude?”

“Listen,” she cried, “God alone knows what this is! No, this has to end!”

“As you like. That’s what I said at the beginning!”

“Maybe it’s too late. Too late!” she repeated in despair. “Just now I was unjust to you… You love me even less…”

“Well… yes,” he replied. “I did not enjoy the last quarter of an hour.”

“Darling, for the sake of all that’s holy!”

She dropped to her knees.

“Give me your hands, forgive me, take my life…”

“Don’t say something you don’t mean,” he interrupted her.

“Forgive me! Don’t judge me so… To claim that it’s all a matter of nerves… no, truly… believe me, this is more than I can bear! Well, think, suppose I am with you… what about my little girl? What shall I tell her? What will I do with her? I mean, she will despise me too…”

“Make her respect you.”

“But how, how can I do that? Respect me? What will she hear about her mother? What will they say about her for that matter when she grows up, thanks to me?”

“Teach her to despise them in her turn; her life is ahead of her, in her time people will not live by our foolish rules; show her an example…”

“An example…! Lord, what an example! This is the example—a homeless mother who has abandoned all shame, a sinner…”

“Well, who’s stopping you? Be the honest widow, open a salon! Get her a *valet de chambre* for a husband and a garland of *fleurs d’orange*. And the traditional loaf of bread, and the priest, and the parental blessing…”

“Listen…! For the last time!” she cried, beside herself. “For the last time!”

“I’m listening.”

“Do you still love me?”

“What do you mean, do I love you? You have decided that this is all I love, your body; we have different ideas about who loves whom how…!”

“Even so… Do you love me?”

“I do.”

“I love you to the point of madness. I shall die if I part from you… Don’t have that sin on your soul… I will come to a horrible end.”

“Don’t say something you don’t mean.”

“I do mean it… I am not myself… Well, do you love me, or what?”

“I do.”

“Someone has to yield. Yield to me. Marry me.”

“You yield,” he replied, starting to laugh.

“Why?” she asked, at a loss.

“For the thousand and first time, why? Because no one knows the future. Anything could happen. I might awkwardly trample on your ideals, or you might treat me to another half hour like this, and all our bliss will have gone to the devil, without any way for us to separate.”

“Then throw me out.”

“My wife? And she’s the one who’s afraid of scandals!”

“Ah! That’s what this is about: you fear them yourself! And it won’t be scandalous, low, and cruel when you fall in love with someone else and get rid of me, your lover? That will be honest?”

“And what if you fall in love with someone else yourself and run off?”

“Me…?”

“Who knows what you might do…? And I’m no angel, there is nothing in me to inspire eternal love…”

“Listen…”

She could hardly breathe.

“You see,” she went on, “I am scarcely alive. Tell me, what do you want from me?”

“Now? Nothing else.”

“Nothing?”

“Nothing.”

“I shall leave town tomorrow, remember that.”

He didn’t answer.

“I shall jump off a bridge right after I leave your apartment.”

“You have a daughter,” he said quietly.

All was quiet, only her sobs and moans could be heard; she was in pain. He did not stir. This went on a long time. She got up.

“Farewell.”

“Farewell,” he said.

“Listen…”

“Listen,” he interrupted her. “Look around; do you like it here...? Stay…!”

The silence grew terrible. Suddenly the door burst open, and *her* quick steps were heard going down the corridor to the stairs…

My neighbor did not go to bed all night and stayed home the next morning. The morning was dark, as if dawn had never come. At noon, as always, came the long whistle from the railroad…

Had *she* gone, or not…?

Toward evening there was a racket behind the wall; my neighbor had gone, people were taking away his things: he had moved out of the apartment.

[Preface to the 1866 edition]

Three years ago, when these scenes appeared, they were taken to be what they in fact are: a quick sketch of something vital, a simple incident transcribed without any pretense of deciding who in it is right or wrong; the small frame into which the story was fitted did not leave enough space for even a slightly more detailed development of the plot and characters. The goal of the story was only to touch upon a question then beginning to interest society, how people feel constrained and suffer when no one is preventing them from satisfying their desires and no one is forcing them to suffer.—In three years, society has gone far in analyzing this question, and now when people come upon it in some literary work, they rightly no longer settle for implications, but demand a definite and clearly expressed opinion. If the reader of today should demand the same of these scenes, if they should leave so much unsaid that they cause a misunderstanding or arouse his indignation, then let the figure of the year when they were written serve as explanation or excuse. This is one side of our recent past told dispassionately… All of us are to blame for the composition and character of our common life, and perhaps traits can be found in a love from the time of serfdom that for many are familiar, not alien. The artless truth about old sorrows, transcribed without analysis and for that very reason more alive, may prove not without use as a guide in the new life beginning…

December, 1865.

V. K.

ЗА СТЕНОЮ

...Мне начинало не шутя нездоровиться; осень, дождь, туман, ветер с моря становились не под силу и привычным петербургским жителям, а приезжему они были просто невыносимы. Я приехал за делом, немножко и за развлечением; одно помышление — засесть дома пугало пуще непогоды. Но, бросив стихиям вызов уж слишком дерзновенный, то есть вытерпев непрерывный ливень от Тучкова Моста до дальней Итальянской, я кончил тем, что схватил лихорадку. Пришлось затвориться. Я написал своим немногим друзьям об этом несчастии и просил навестить; но один был занят, другой — забыл, третий — рассчитывал, что навестят другие, и никто не заглянул ко мне целые две недели. Я топил по три раза свою печку и развлекался чтением корректур. Это развлечение и тишина кругом — тишина с мелким звоном гололедицы в стекла, визг шарманки где-нибудь вдалеке, щелканье копыт и дребезжанье запоздалых дрожек по размытой мостовой, трепетное чириканье часов, черная, густая темнота за окном, если я решался поднять занавеску и взглянуть в окно, красный свет фонаря низко-низко, точно на земле, у ворот какого-то трактира напротив — все вместе, нельзя сказать, чтоб приводило в приятное расположение духа.

У меня были две меблированные комнаты; я нанимал их у одного господина, который разделил свою большую квартиру на три маленькие и, живя сам, отдавал от себя «удобные помещения с прислугой», как объявлял в ведомостях. Прислуга являлась топить и «делать комнату» — выражение, не знаю на каком наречии, сердившее меня особенно во время лихорадки. Остальные часы дня я оставался один с моими размышлениями.

В одно утро меня разбудили стук и ходьба за стеной моей спальни. Возились так много, ходили такими тяжелыми шагами, что стало, наконец, несомненно, что там кто-нибудь водворяется. До этого дня те комнаты были пусты. Дождавшись лакея, я узнал, что, действительно, поселился новый жилец, на время; у него есть собственная квартира, но в ней что-то исправляется, так покуда; человек с состоянием, не служащий.

«Чем может заниматься в Петербурге человек неслужащий? размышлял я, трепеща за свое спокойствие: — у него, конечно, такие же неслужащие друзья. Люди, которым есть чем жить и нечего делать, любят пожить весело. Они будут сбираться у него, без сомнения. «На время». — Но, может быть, это придется на все время, которое можно пробыть в Петербурге мне, человеку служащему и без состояния? Съехать бы отсюда, но куда в такую погоду и в лихорадке?..»

От нее, должно быть, я делался раздражителен; я чувствовал к моему соседу расположение враждебное; я был готов делать ему неприятности, в ожидании беспокойства, которое он мне сделает.

Но как я был жестоко пристыжен! Жилец не приходил к себе до вечера, и после утренней переборки не слышалось даже шороха. На другой день осторожные шаги его «собственной» прислуги показали, как дрессирована эта прислуга и, следовательно, как светски воспитан господин. Он был дома; я слышал все его движения, шелест его газеты, треск спички, которую он зажигал, закуривая. Он читал весь день, писал письма; я

слышал, как он приказывал отнести их. Капитальная стена, разделявшая его кабинет от моей спальни, была когда-то прорезана аркой, служившей переходом для богатых салонов, из которых ныне были устроены наши «удобные помещения». В этой арке, заделанной и оклеенной обоями, осталась с моей стороны ниша, где стояла моя постель. Я убедился, что каждый из нас, мой сосед и я, мог слышать до последнего звука все, что происходило у другого. У меня слушать было нечего; я хотел перещеголять соседа в деликатности, ушел в другую комнату и запер спальню.

Сосед, конечно, не шумел, но я уважал даже его молчание: я был чрезвычайно доволен сознанием своего нравственного превосходства. Но мое торжество было недолгое: к вечеру он превзошел меня. Из его комнаты раздались звуки скрипки, замолкли тотчас, и его «собственный» служитель явился ко мне с извинением, что меня обеспокоили. Я рассердился и отвечал, что мне это решительно все равно, что там может, пожалуй, греметь хоть целый оркестр, у меня ничего не слышно. Я был в полном убеждении, что мне ниспослан в наказание какой-нибудь «любитель», из тех, что недавно уверовали в Бетховена и недостаток своего уменья дополняют усердием; но извинение виртуоза поставило меня в необходимость не отстать от него в вежливости обращения. Сказать, что мне очень приятно, я не мог; сказав, что у меня ничего не слышно, я равнодушно прекращал навсегда всякие извинения и сношения. Мне казалось, что я поступал удачно; я блажил, но был я один, со скукой и головной болью.

Сосед отплатил мне новым поражением, последним и полнейшим: он стал играть. Уткнувшись в корректуры и уверяя себя, что у меня потрясены все нервы, я вслушался в такие прелестнейшие звуки, что бросил все, ушел в спальню, слушал, забыв свою блажь, не думая ни о нескромности, ни о нервах. Сосед был замечательный артист; он уж казался мне отличным человеком: музыкой из меня можно все сделать.

В порыве раскаяния и благодарности, я сказал себе, что познакомлюсь с соседом, и не позже как завтра. Но на завтра мне стало хуже, а его не было дома ни в этот день, ни в следующий. Человек с состоянием, он вел рассеянную жизнь, а принимать в этой временной, тесной квартире, вероятно, считал неприличным. Пролежав сутки, я не слышал ни голосов, ни музыки, до вечера, когда сосед воротился и привел с собой знакомого, тоже, должно быть, любителя; они толковали долго, схватывались за скрипку и наигрывали то, о чем шла речь; наконец, подняли страшнейший музыкальный спор, в котором я, конечно, ничего не понимал и заснул, не дождавшись конца...

Это были для меня какие-то особенно тяжелые дни; дела не ладились, люди выказывали себя гадко; было и сердечное горе. В жизни выдаются такие времена: все обрывается — и дорогие привязанности, и простые отношения; все уходит, точно хоронится, оставляя, казалось бы, пустоту, но в нее заглянуть больно; чувствуешь, знаешь, что это не пустота, а холодная тьма, где залегло навеки дорогое, теперь чужое для нас, мертвое; над головой висит точно тяжесть, становится душно, недостает воздуха... А тут еще, будто нарочно, будто назло, обступают кругом неудачи, одолевает мелкая житейская дрянь; без них, по крайней мере, тоскуя о том, что не далось или изменило, можно бы хоть потешить себя, порисоваться пред собою... На это недоставало уж и молодой глупости. Оставалось усадить себя за работу; я был рад, что меня забыли ближние и посторонние; мне были заранее противны рассуждения о блажи, о нездоровье, о благоразумии, шутки сострадания, мудрость счастливых людей. Я не разгибался от печатной и писанной

бумаги, покуда не рябило в глазах, и тогда отправлялся лежать. Я не грешил нескромностью, если слышал, что делалось у соседа; все это отдавалось у меня в ушах, без смысла, и только наскучало мне.

Раз утром, чрез несколько дней по переезде соседа, я услышал, как с шумом растворилась дверь, и в комнате зашелестило женское платье.

— Здравствуй! раздался женский голос, громко, радостно и вместе резко, может быть, от усталости, может быть, от волнения.

В этом слове, в его звуке была странная приятность, что-то яркое; он разлился точно свет в темноте. Я поднялся, будто позвали меня...

Сосед вскрикнул, вскочил; его кресло загремело, чуть не опрокинулось.

— Здравствуй, жизнь моя! повторила гостья.

Послышались поцелуй за поцелуем, смех, слезы; слова не договаривались, ласки замирали, объятия прерывались и начинались опять, с страстным криком, с детски-нежными, детски-глупыми названиями. Это был вихрь радости...

— Здоров ты? весел? Не ждал меня?

— Да ты ли это? Ты приехала?

— Думал обо мне? Любишь меня? Не рад мне?

— Что ты так долго не ехала? И не писала!

— Нет, писала... вот, только пред отъездом...

— Да ты ли это? покажись...

— Сокровище мое, свет мой! Говори, рад ли ты?

— А ты не видишь?

— Поди сюда, к свету; я посмотрю.

— Все такая же сумасшедшая!

— Ох, все такая же! А ты?

— Все такой же! О чем же плакать-то?

— Да, вот, хорошо мне... Тебе-то хорошо ли со мною?

— Милая, милый друг мой, милая...

— Счастье мое!

— Ой, задушила! Смотри, свалилась шляпка...

Я услышал скрип широких лент этой шляпки; ее, вероятно, бросили на диван, рядом с моей перегородкой.

— Ну, сядь, скажи.

— Да что сказать? Много-много надо сказать. Год не видались.

— Нет, милая, побольше года.

— А ты считал?

— Еще бы не считать! Как ты меня здесь отыскала? когда приехала?

— Как отыскала?.. Приехала сегодня, вот... который час? Сейчас приехала. Ты слышал, свистела машина? сердце не чувствовало?

— Ничего не чувствовало.

— То-то же... А я, еще порядком не остановились — выпрыгнула; как ноги не сломала... я ведь глупа: летим, а мне все кажется тихо; жаловалась кондуктору, зачем тихо едем...

— Ты где ж остановилась?

— У нее... ну, забыла... Ну, что хочешь — имя забыла! У кузины моей... Ах, да скажи, как зовут кузину? Все равно, ты знаешь. Приехала, разобралась немножко, поехала к тебе в дом, мне сказали, ты здесь... Который час? девять? только? больше?

— Больше... Ах, какое наказание! в десять мне надо со двора.

— Куда?

— Сегодня концерт нашего общества.

— Сегодня? Ты играешь?

— Играю. Да это бы ничего, концерт только в час; но мне поручено... В десять надо там быть, хлопотать с оркестром... Наказанье!

— А нельзя не быть?

— Нельзя... Какая досада! Ну, что ты вчера не приехала? я бы сказался больным. Ты виновата!..

— Я?

— Ты, ты, ты, ответил он, целуя ее: — ты, злодейка, мученье мое!

— Милый мой!..

— Как же быть-то? Разве вот что: приезжай в концерт... да, так. Я отправляюсь туда, а *вы*, покуда, позаботьтесь о вашем туалете... Какие роскоши! Она в трауре!

— Как же, отвечала она: — ведь у меня дочь.

— Конвенансы требуют, конечно. Но, как ты похорошела, скажу тебе... Ведь я, кажется, не имею надобности говорить вам комплименты...

— Жизнь моя...

Я был уверен, что она бросилась ему на грудь: мягкий шелест ее платья, ее задушенный голос... Я подслушивал: бессовестно... Подле меня было счастье; мне горько хотелось знать, по крайней мере, какое оно бывает...

— Удивительно, беда, как похорошела! Но ты этот черный хвост долой, я его не могу видеть. Неутешная вдовица!

— Неутешная... повторила она: — что ты это говоришь!

— Так уж утешилась?

— Ты видишь: приехала...

— Зачем?

— Зачем?.. Предложить вам мою руку и сердце, договорила она с робкой шуткой, от которой в ее голосе послышалась какая-то детская нежность.

— Что такое?

— Видишь ли... мы год не видались, с лишком год... Правда, моему трауру нет еще и восьми месяцев, но...

— Но, что ж?

— Но, если я в самом деле похорошела, если ты...

— Что же? что же?

— Если я не кажусь тебе стара...

— Еще что?

— Если ты меня еще любишь... О, да ты меня любишь! вскричала она с блаженством.

— Так руку и сердце? спросил он, смеясь: — значит, это все не мое было до сих пор?

— Что ты?..

— Я понимаю, успокойся, понимаю; я шучу. Так законный брак?

— Да, тихо отвечала она.

— Это вследствие каких же глубоких соображений? Видно, тебе еще не надоело? Десять лет, никак, наслаждалась, или побольше?

— Десять лет... но с кем? *Он* или ты... это сравнить, сказать вместе страшно! с тобой ли на всю жизнь...

— Благодарю за честь...

— Ох, не шути! прервала она; — когда я все это, прошлое, припомню, когда подумаю... Царство ему небесное!.. Ведь и я... и мы оба были виноваты... Ну!.. я решилась, обдумала; мы свободны, все в наших руках... Так, что ли?

— Подумаем-с, сказал он, смеясь.

— Я хотела тебе все это написать, но, думаю, потом: нет, поеду сама, принесу ему эту весточку... и, чтоб и люди не толковали, кончим скорее, обвенчаемся втихомолку... моя *та* свадьба была такая нарядная; вспомнишь, так холодно... Я, как придумала к тебе ехать, обрадовалась, заспешила, не написала тебе, что еду; ты бы меня часом раньше встретил...

— Сегодня я бы никак тебя не встретил: дел бездна... Ай, без пяти минут десять!.. Приезжай в концерт; вот тебе программа, билет там возьмешь. Отличный концерт; смотри, какой выбор пьес. Это для одного итальянского семейства, которое здесь не знаю чем существует и желает воротиться на родину... А Неаполь-то, а? каково? взят, занят, и кончено! Это читается у вас?

— Неужели ты уж едешь?

— Еду, милая. Извините мою неучтивость: должен вас оставить. После концерта, если позволите...

— Боже мой, неужели я с тобою?

— Скажи ты мне, для чего ты остановилась у своей кузины? Ведь это даль страшная, на краю света отсюда. Не могла приехать прямо ко мне?

— К тебе?

— Да; ведь цель приезда — я?

— А как же, кузина...

— Ну, кузина — кузина, а я побольше, чем кузен. Не так, что ли?

— А! ты шутишь, сказала она, смеясь, после смущения. — Да куда ж к тебе? У тебя тесно.

— Теснее-то лучше.

— Боже мой, неужели я с тобою? повторила она: — рад ли ты, счастлив ли ты?

С минуту ничего больше не было слышно. Ее платье зашелестило у дверей, а он сказал:

— Ну, прощай, до свидания.

Она ушла; он проводил ее за дверь и воротился, напевая тему, которую твердил на скрипке. Он фальшивил. Мне показалось, что он пел не от радости, а так, между делом. Он, покуда, одевался, и скоро уехал.

Меня это странно заняло. Я не мог отвязаться от мысли о приезжей гостье; я воображал ее и — еще страннее — нисколько не желал ее видеть, напротив, постарался бы избежать встречи с нею, если б могла представиться встреча.

Мне было довольно знать, что эта женщина красавица и любит; подробностей, которые узнаются при знакомстве, мне было ненужно; то, что я чувствовал, слушая, то, что заставляло меня ждать звука ее голоса за моей стеной — было не любопытство в смысле того, как интересуемся мы житьем наших ближних: это было любопытство чего-то отвлеченного; я даже не найду слова назвать его — эстетическое любопытство...

Дня два сосед бывал дома только по утрам; к нему приходили разные посетители, от которых я уходил сам в другую комнату. Раз мне пришло в голову, что из разговоров соседа с ними я мог бы узнать что-нибудь об этой гостье. Эта мысль меня как будто испугала: я не хотел знать даже ее имени. Но *она* сама становилась мне необходима; я стал ждать ее настойчиво; я скучал, теряя терпение, и, наконец, дождался.

После двух дней, в начале вечера, у соседа раздался легкий звонок и шелест платья; я слышал его только однажды, но я к нему привык, я его изучил, я его узнал и, обрадовавшись, бросился в нишь. Дверь у соседа отворилась.

— Здравствуй! раздалось как в первый раз.

— А, добрый вечер. Откуда такая нарядная?

— Не откуда, а куда. К тебе. Ехала в оперу, раздумала и приехала сидеть к тебе. Здравствуй! Поцелуй!

— Зачем же раздумала? Ведь ты не слыхала «Пророка»?

— Нет. Но мало ли чего я не слыхала и не услышу! Мне лучше с тобой.

— Я сам еду в оперу.

— Останься.

— Нельзя.

— Ты обещал кому-нибудь?

— Нет.

— Но ты сколько раз слышал «Пророка»!

— Нельзя. Что ж еще не послушать? Вещь хорошая.

— Так это только из любви к музыке? Вы меня не обманываете, милостивый государь?

Она шутила. В женском голосе мучительно выражение такой шутки. Не знаю, как для других, но мой слух на него всегда чуток.

— Тотчас выдумает: обманываю! возразил он. — Ты ревнива, или нет? я забыл что-то.

— То-то забыл. Нет, не ревнива я, но вот что... Я здесь четыре дня, а мы еще не видались.

— Помилуй, как не видались? и вчера, и тогда, из концерта...

— Что ж, по десяти минут...

— Как же больше-то? обыкновенно — визит: ты остановилась у посторонних. Вольно ж тебе, когда могла бы у меня.

— Я тебе сказала, почему этого нельзя.

— Слышал; ты боишься скомпрометироваться.

Он выговорил это резко; казалось, слово сорвалось у него невольно. Была одна секунда молчания; она осталась бы незаметною для того, кто бы не всем сердцем следил за разговором... Она заговорила тихо, ровно, беззаботно, но ее голос будто дрогнул.

— Мне-то скомпрометироваться! вот новость! Если не все знают, так все догадываются, что я тебя люблю... Я не хочу явной огласки; не толков... Бог с ними! и теперь уж толкуют, а...

Я не дослышал; сосед в эту минуту стукнул подсвечником; когда он заговорил, стало заметно, что он закуривал.

— Ты называешь это стыдом? Пожалуй, так, с твоей точки зрения, а с моей — нет. Тут разница во взгляде на вещи. Мы многое понимаем разно.

— Мы это понимаем совершенно одинаково, возразила она твердо: я, кажется, доказываю это на деле: вот, я бываю у тебя; это немудрено узнать, если кто захочет узнавать.

— Ну, понемножку; на это достает мужества, а разом... что толковать! Ты судишь так, а я иначе.

— Ради Бога! не сердись.

— Нисколько... Помилуй, что ж я, какое имею право требовать, чтоб ты для меня поступала против твоих желаний... против твоих убеждений... Это должно быть свободно; ты знала, что мне будет приятно иметь тебя с собой; стало быть, ты не хотела сама...

— Как, не хотела?..

— Конечно. Но что ж и толковать о таких мелочах; это дело конченное...

— Ради Бога, не сердись...

— Да нисколько же, я тебе сказал.

— Я тебя прошу, милый, жизнь моя, не смотри так...

Она встала; на ней, вероятно, было тяжелое шолковое платье: складки шумели плавно и медленно; она подходила к нему.

— Послушай... не смотри так.

— Как же еще?

— Нет, вот что... Ради Бога, послушай. Ведь я дело говорю, вот что... Что ж это будет? Ведь я буду твоей женой...

Она остановилась; он промолчал; она будто выждала и продолжала:

— Видишь, тогда... если до тех пор узнают, заговорят... ну, скажут, что ты женился на мне... я не могу выговорить!.. ну, из великодушия, чтоб как-нибудь кончить. Я не хочу милости!

— Какая ты гордая! прервал он.

— Ах, да ты пойми: я не хочу, чтоб чужие люди называли это милостью! А от тебя милость... милость все та же будет! разве она меньше будет? разве я ее не чувствую?

— Не натирай же глаз, прервал он: — не прячь глаз, у тебя слезы катятся прелестно. Ты думаешь, тебя слезы портят? дай сюда глаза... Что? опять, люблю ли? Ты видишь... Смотри, кружево; ты его зацепила.

— А, Бог с ним! вскричала она так радостно, будто миновала беда. — Милый, останемся! не езди! не уходи! Мы, право, не видались: все при чужих, да при чужих; не успели поговорить как должно...

— Еще наговоримся, возразил он: — поедем вместе. Вместе слушать хорошее тоже очень хорошо. Так ли?

— Так... тихо отвечала она.

— Едем же. Ты в карете?

— В карете; там ждет. Вот, а ты говоришь, я не компрометируюсь.

— Так подожди; я оденусь, довези меня.

Он вышел, она оставалась одна; воротясь, он сказал:

— Я готов; поедемте. Вы, покуда, прочли здесь что-нибудь?

«Вы» говорилось, вероятно, от присутствия лакея.

— Нет, я только посмотрела... Здесь хорошо...

Дверь затворилась за ними.

Прошло несколько дней. Мне не было лучше, но ни в каком случае я не рискнул бы еще раз выдти под эту погоду. Тучи поднимались занавесом одна за другою, выливали, поднимались опять; солнце дразнило, выглядывало по утрам на стены, бурые от сырости, на вязкую мостовую; в эти утра особенно веяло тлением; тление врывалось в открытую форточку, влажное, теплое, с дымом из труб, с паром от лошадей. Слышался говор, крики разнощиков, но больше кашля; кашель гудел в воздухе; голуби, которые, наклевавшись у извощичьих колод и воображая, что солнце сбирается светить в самом деле, взлетали на освещенные, порозовелые подоконники, откуда капала сырость — голуби, и те ворковали хрипло, недовольными, петербургскими голосами. Лучи умирали медленно; далекий, редкий колокол отзывался умирающим звоном. Темнота падала вдруг, низко, точно схватывала, и над заторопелыми шагами, над ускоренным стуком колес раздавался долгий, раздирающий свисток, возвещая, что с поездом николаевской железной дороги еще прибыло народу наслаждаться осенними удовольствиями столицы; потом последние три свистка — те, которые обдают белыми клубами решетчатый свод дебаркадера, отрывистые, будто крик боли и беззащитного испуга...

Становилось темно, хоть зажигать свечи. С утра! Тоска по дневному свету доходила до крайности; я бросал все свое дело и отправлялся лежать.

За стеной ни шороха. Сосед чуть не с зарей уходил и возвращался очень поздно. Никто не приходил его спрашивать; вероятно, в это время он успевал посетить всех, кому был нужен.

Я услышал *ее* звонок; я его узнал. Ей отказали. Они, вероятно, виделись накануне вечером; она, вероятно, вспомнила поутру что-нибудь недосказанное... Она думала о нем, просыпаясь; ей захотелось встретить утро тем же счастьем, каким проводила вечер. Она живет далеко; было солнце, когда она вышла из дома; теперь шел дождь. Я воображал досаду соседа, когда воротится и узнает, кто не застал его.

Пришел вечер. Лакей соседа отворил его квартиру, и у дверей ее, в нашем общем корридоре, пригласил к себе беседовать хозяйского лакея. Это было слишком близко от

моей гостиной; беседа обещала быть шумною, и я сбирал свои бумаги, чтоб уйти в спальню, когда раздался голос, мне знакомый:

— Дома?

— Никак нет.

— Не приезжали, досказал хозяйский лакей.

— Не знаете, он не в театре? спросила она, помолчав.

— Никак нет.

— А ты почему знаешь? может, и в театре, заметил хозяйский.

— Может быть, и в театре.

— Ведь ты не видал, был ли у них билет, или нет?

— Не видал.

— Господа уезжают, нам не сказываются, продолжал хозяйский: — нам почему знать.

— Угодно будет их подождать? любезно спросил лакей соседа.

— Я напишу записку, сказала она: — дайте огня.

Она вошла в комнату; что-то тяжелое упало на диван — ее бурнус, вероятно.

— Дайте огня, повторила она.

— Сейчас-с, ответил лакей из корридора своим веселым голосом.

Она сильно отодвинула кресло; ее руки стукнули, падая на стол; послышался отрывистый, утомленный вздох.

Она была впотьмах, одна. Вошел лакей, вероятно, со свечою.

— Бумаги здесь нет-с, заговорил он, между тем как что-то нежное, вероятно, ее пальцы, шевелило листы и книги на столе: — почтовая бумага у них вся именная, с вензелем; они изволят запирать.

— Я найду что-нибудь; подите.

— Тут-с одна нотная. Позвольте-с, я принесу; у меня есть, только простая. Если прикажете, можно у жильца рядом спросить почтовой.

«У жильца рядом», то есть у меня. Не знаю почему, но я ни за что на свете не дал бы *моей* бумаги на то, что хотела писать эта женщина. Что она хотела писать, я не знал, но пусть дает ей бумагу кто хочет, а не я...

— Не надо, не надо! повторила она громко и нетерпеливо: — дайте что есть.

Лакей вышел. Она ждала долго. Она не шевелилась; раз только, осторожно и неловко сняла со свечи: ей дали сальную. Больше ни движения, ни шелеста платья, ни дыхания.

— Вот-с, извольте, раздался голос: — у меня, извините, я ошибся, не было. Я в лавочке взял. Почтовая-с.

— Благодарю.

Ее портмонне щелкнул.

— Прикажете сдачи?

— Нет. Можете идти; мне больше ничего не нужно.

— Сургуч и печать здесь-с. А то можно облатки...

— Хорошо; я найду; подите.

— Вот-с. Перья стальные, или если угодно, чиненые...

Он ушел, наконец. Долго ничего не было слышно; вдруг на стол упали ее руки, ее голова, тяжело, бессильно — и раздались рыдания громко, неудержимо, с криком, с дрожью, от которой шатался этот стол, отдаваясь в мою перегородку... Это длилось долго. Слезы душили ее, прерывались отчаянными словами, нежными именами, страстными поцелуями этому столу, о который она билась. Я слышал, как она ломала руки. Вдруг она вскочила, стремительно бросилась к двери и защелкнула ее на ключ; я слышал, как она упала на колени; я слышал слова ее молитвы, если только это были слова, если только эта агония была молитва...

Она опомнилась, встала тихо, медленно; она утомилась, или покорилась; она плакала тихо, как ребенок. Она старалась оправиться, оглядеться; опять стукнули щипцы на грязной свечке, зашуршали бумаги. Она писала: сначала тихо, плача, потом поспешно, не оглядываясь и кончила вдруг; бювар хлопнул, сургуч зашипел. Она подняла с дивана бурнус и отворила дверь.

— Там письмо; отдайте, выговорила она лакею.

— Прощайте, сударыня, ответил он.

Сосед воротился очень поздно и поднялся поздно на другой день. Он пил чай у стола подле моей перегородки.

— Откуда письмо? кто принес? спросил он.

— Та дама-с, с которой изволили тогда в оперу ездить, отвечал лакей: — два раза были вчера, здесь писали.

Он рассказывал, вероятно, покуда барин читал.

— Хорошо, сказал, наконец, сосед: —не уходи никуда... Он помолчал, будто раздумывал.

— Если придет кто, ты скажешь, что меня нет дома... что я уехал на весь день, а вернусь... в час, в два ночи.

— Слушаю-с. Изволите одеваться?

— Нет.

Сосед сидел дома и особенно притих. Немного спустя, послышался звонок. Лакей бросился опрометью. Сосед встал осторожно и ушел, вероятно, в свою вторую комнату. Я слышал, как *она* спрашивала, и как ей отвечали все, что было приказано. Она ушла.

«Что ж это такое?» подумал я.

Из моей другой комнаты было слышно, как она уходила по корридору, остановилась, пошла было опять к двери соседа и воротилась. У меня было сумасшедшее желание выйдти и сказать ей:

— Он вас обманывает: он дома.

Он и весь день пробыл дома. Вечером он долго играл на скрипке. Его игра перестала мне нравиться.

На другой день с утра было солнце. Он очень торопился уехать. Не боялся ли он, что она придет?

Зато к вечеру погода себя вознаградила: затемнело и полило так, как, кажется, еще не бывало. Холод сломал меня; я оставил работу и лег; не было сил даже читать. Сосед воротился, проклиная дождь, и велел затопить камин; я в первый раз услышал, что он пользуется этой роскошью в своем «помещении». Его лакей попросился в театр, под предлогом, что теперь он не нужен: вероятно, никто не заедет.

— Я думаю, отвечал сосд: — Никто носа не высунет. Ступай себе.

Самое лучшее для меня было бы заснуть, но сон решительно не приходил. Сосед грелся, курил, читал, ходил взад и вперед по комнате, наконец, взялся за скрипку. Это совсем меня рассеяло. Он что-то изучал, какой-то *Карнавал* или *Бурю*, повторял пассажи по десятку раз и раздражал меня. Я бы ушел, если бы и у меня был камин в другой комнате; но там было холодно, а печь стала дымить. Я хотел крикнуть ему, что он мне надоел, но не крикнул, сам не знаю почему, и в злости накинул себе подушку на голову. Так, конечно, было глуше, но чем дальше, тем неистовее становились взвизги; я убедился, что это был *Карнавал*. Это, наконец, превратилось в вопль и рев, среди которых музыкант не мог расслышать двух звонков, очень сильных; вдохновению помешал только третий, еще сильнее, и стук в дверь.

— Что такое?.. выговорил громко сосед, и пошел отворить.

Послышалось протяжное: «А!...», которым он всегда выражал свое удивление, но на этот раз как будто с замешательством, не совсем приятно, и потом все притихло.

Он воротился в комнату не один.

— Я рассчитывала, что ты дома; погода не хороша, говорил усталый, прерывающийся голос.

Я вскочил: это была она.

— Погода отвратительная, отвечал он каким-то наставительно-старшим тоном: — не знаю, как можно было пуститься в такую даль. Я сейчас подложу угля в камин.

— Нет, довольно... не надо, тихо сказала она.

— Простудиться можно, только.

— Нет, ничего. Мне тепло. Я тебе не мешаю?

— Чем же?

— Что ты делал?

— Учился, твердил этюды. Что ж я больше делаю? Я все вечера этим занят.

— Я посижу у тебя, отдохну, сказала она.

— Милости просим. Но ведь вы за тем и ехали, чтоб сидеть?

Мне показалось, что она пошла к двери. Нет. Она снимала бурнус и села на диване, подле меня.

— Я была третьего дня, сказала она.

Он промолчал.

— Два раза.

— Мне говорили.

— И оставила записку.

Он промолчал опять.

— Тебе отдали?

Она останавливалась пред каждым вопросом, будто для каждого сбиралась с силами.

— Да, я получил, отвечал он отрывисто и так равнодушно, что принужденность равнодушия тотчас выглянула.

Он взял со стола, должно быть, костяной нож и постукивал им по бумагам.

— Ты не отвечал мне и не заехал.

Он промолчал.

— Ты и теперь не хочешь говорить?

— Признаюсь, да, сказал он отрывисто и бросил ножик: — да, я не хочу говорить; я не хотел вас видеть, потому что... Одним словом: мне тяжело.

— Отчего?

— Очень странный вопрос. Вы пишете, что вам тяжело; почему же мне должно быть легко?

— Так надо сделать, чтоб было легко, возразила она: — надо сказать друг другу...

— Да говорить больше нечего.

— Нечего?

— Нечего. Три дня назад все сказано.

— Ты хочешь, чтоб было так; ты находишь, что все сказано, а я нет. Знаешь, так скоро от души не отрывают.

— И я также думал. Но ведь решали вы. Вы сказали последнее слово. Ваша воля.

— Скажи лучше правду, вскричала она: — правду, вдруг, разом: ты меня разлюбил... Говори, ради Бога, не мучь меня больше, мне легче будет, клянусь; ты, может быть, боишься сказать, может быть, еще бережешь меня? Обещаюсь тебе, я перенесу, я тебе на совесть ничего ужасного не прибавлю. Я прощу. Если умру, то умру тихо, я не убью себя. Вот эта неизвестность всего хуже; от нее я не знаю на что готова. Ради самого Бога... я буду на коленях просить, скажи?

— Что ж я скажу...

— Не трогай меня, оставь так... Когда я была счастлива, я всегда, бывало, так, у твоих ног, помнишь? Господи, была же я счастлива!.. Ну, если теперь... если все кончено, если ты любишь другую... Творец мой!.. Нет, лучше скажи прямо, разом... Знаешь ли, это честнее будет? Год, в самом деле, больше года мы не видались... Ты мог и забыть, и встретить лучше... Лучше меня не трудно встретить, что же, не мудрено, пожалуй... Но никто не может тебя любить так, как я, нет, невозможно! Если меня будут убивать, мучить, пусть только напомнят мне тот день, тот час, как ты сказал, что любишь меня... Милый мой, жизнь моя! наяву, во сне, в смерти я твоя! Скажи мне одно слово, прикажи, что хочешь... Кончи это, из милости; ты видишь, каково мне...

— Полно, милая, выговорил он, едва успев прервать ее: — как честный человек, я больше тебя никого не любил...

Она вскрикнула.

— Господи, Господи! никого? точно никого? повторяла она, целуя его и рыдая: — никогда, и теперь никого?

— Ну, никогда, нельзя сказать, продолжал он: — год велик; я, случалось, и увлекался...

— А, Бог простит! отвечала она с резким, искренним смехом среди рыданий.

— Но ни одной женщины так, как тебя; я свободен.

— Так за что ж ты меня гонишь?

— Что ты говоришь?

— Прости меня, ради Бога, я себя не помню!.. Так отчего ж ты не хочешь на мне жениться? Если я тебе мила, если... Боже мой, если ты меня не презираешь за то, что я была неверна мужу... хоть для тебя, но ведь все же, все же ты можешь сказать, я была дурная женщина...

— Ты с ума сошла, милая моя, опомнись...

— Право, сколько я тебе ни говорила, просила, умоляла, вот, писала тебе, ты все отказываешься; я твоих причин постичь не могу. Это смерть моя. Ты подумай, я затем ехала, летела к тебе. Ты свободен, я свободна — наконец, дождалась, отмучилась, пять лет мучилась... Я тебе сказать не смею, ты за упрек сочтешь, что за эту любовь *он* делал со

мною... Бог его простит; я не хочу помнить: я с тобой! Вот, так бы и всю жизнь с тобой, где хочешь, здесь, на краю света, вместе...

— Скажи мне, на что тебе это замужество?

— Милый, как на что? Я тебе говорила! Совесть... это у меня на совести! И перед Богом, и перед людьми... на нас указывать не станут, оскорблять нас не станут. Знаешь, как меня оскорбляли? Замечал ты... ох, вы этого никогда не видите! Когда мы, бывало, с тобой где-нибудь, замечал ты, как на меня смотрели? В глаза прямо вопьются, ждут... А намеки, а разговоры... Прямо, как ни в чем не бывало, будто по дружбе, прямо спрашивают. Да вот эта кузина моя, у которой я теперь, и та спрашивала... И я лгала! Милый, ты никогда не лгал! Ты этого ужаса, этой низости не можешь вообразить! Вся горю, бывало, и только молю Бога совсем не потеряться, совсем не онеметь... И потом, вспомнить Бога, и дочь тут, на глазах: ведь уж большая девочка, ведь уж понимает... Господи, если ты еще не совсем на меня прогневался, дай мне хоть год, ну, месяц... ну, день один честной жизни, честного счастья!.. Радость моя, свет мой, жизнь моя...

Она упала тяжело, без сомнения, ему в ноги; ее слезы слышались совсем на полу. Он поднял ее, подкатил кресло; раздался стук графина и плеск воды, которая лилась в стакан. Несколько минут все притихло.

— Ну, что? сказал он ласково, протяжно, с упреком, с усмешкой, как говорят ребенку: — наплакалась?

Она вздохнула тихо, но трудно; вздох вдруг замер: конечно, она спрятала лицо ему на грудь.

— Наплакалась! повторил он: — можно говорить теперь?.. Сумасшедшая ты девочка в тридцать лет, из чего ты себя мучишь?

— О, Господи! как с тобой-то мне хорошо!.. выговорила она.

— Да, да, к Богу тотчас! Бога молить, людей бранить, все вместе... Милая ты моя, где ж тут смысл? А?.. и ревнивая, и нервная. Разве так можно жить на свете?

— А разве я жила?

— А вольно ж тебе, я скажу тоже! Ну, не достало силы воли пять лет назад бросить своего барина, так, по крайней мере, не волновалась бы тем, что дураки говорили — прах с ними. Они намекают, шушукают, тебе что за дело? Ты знаешь меня, уверена во мне... уверена, что ли?

— Что ты спрашиваешь!

— Нет, спрашиваю. Стало быть, не совсем уверена, не совсем любишь, если тебе какие-нибудь глупые толки, кузина, там, какая-нибудь сбредит, и это страшно. Что прочно, что истинно, то выше мелочей...

— Что такое? что, ты говоришь, не истинно?..

— Ну, ну, не мечись, успокойся, пожалей и меня; ты думаешь, мне все равно, что воды выпить — водой тебя отпаивать?.. Слушай лучше. Ведь если б ты была из таких, которым

сегодня мил один, а завтра другой, с тобой бы и толковать нечего. Ты бы не могла быть мне так дорога...

— Я тебе дорога?

— Я новость сказал?

— Милый...

— Слушай. При такой любви, как твоя, и нужна сила воли. Иначе что ж? все равно, как у другой, пошленькой, одни ахи да нервы?.. Этого мало. Жить нужно, поддерживать друг друга.

— А я чего ж хочу, чего ж я у тебя прошу?

— Ты просишь, душа моя... Слушай, сделай милость, спокойно. Ты просишь, чтоб мы посадили друг друга на цепь. Ты знаешь, я всегда так думал. Я предлагаю тебе: живи со мной, будь всем для меня. На что нам веревка эта, которой людей перекрутят, пустят, и, вот вам, не смейте в разные стороны? Для негодяев пугало — брак ваш; честным людям довольно одного слова... Что ты смотришь? Ты не веришь моему слову?

— Я твоему слову верю, сказала она с усилием (у нее пересохло в горле); если я останусь жить с тобою, ты никогда меня не оставишь?

— Если только ты сама этого не захочешь — никогда.

— Я никогда не захочу.

— И прекрасно; тем лучше для меня.

— Так не все ли равно, если это навсегда, что я буду твоей женой, что любовницей?.. Нет, постой, выслушай. Ты говоришь, твое слово тебе свято, все равно, что венец. Хорошо. Так тебе, стало быть, приятнее иметь подле себя женщину без имени, чем женщину, которая будет носить твое имя? Не ту, которую станут уважать как твою жену, а ту, на которую всякий... лакей твой... покажет пальцем?

— Милая, ведь эти понятия...

— Ох, нет, нет, избавь меня от этих «понятий»! Мне надоело о «понятиях», я их не понимаю... Ну, у меня нет силы воли, презирать я не умею... Оставим это. Я не о том говорю...

— О чем же?

— О тебе. Я о тебе говорю. Ну, я живу с тобою; не жена, а любовница. Я не пойму: это, стало быть, кажется тебе заманчивее? Чем же это заманчивее, ты мне скажи? Что, я буду милее тебе от моего стыда, умнее я, красивее буду, что ли?.. А я тебе говорю, что я этого не вынесу, я с ума сойду, я от слез высохну, вот что! Ты меня бросишь, потому что я надоем тебе; мой ум, мои чувства, моя любезность, все это заглохнет: я пропаду, я стану отвратительна...

— И из чего же? из светского ложного стыда! прервал он. — Что ж это за любовь, которая, от такого вздора, голову гнет? Это называется любовь?..

— Постой, вскричала она: — ты прежде сам вот что скажи... Ну, прекрасно, у меня будет сила воли, я голову подниму, я стыд в сторону; скажи, разбери себя: не сделаюсь ли я тебе противна? Тебе, тебе самому? Что?.. На кого тогда я буду похожа?.. Что ж молчишь? Кто знает, что может придти в голову, вдруг? Почему ты знаешь, сколько ты любишь меня именно, вот, за это... как это назвать? именно, за то, что у меня нет этой силы воли, за то, что я всего боюсь, стыжусь, хватаюсь за тебя... Я тебе мила, вот так, запуганная; а тогда, взглянешь, скажешь: много таких...

— Что за нелепости ты говоришь! вскричал он: — сравнивать себя с потерянными женщинами! Я, уважая тебя, хочу, чтоб ты была свободна, не хочу прав над тобою...

— Милый, что за свобода, на что она мне? Для меня счастье быть твоей, совсем твоей, твоей собственностью, твоей рабой! Это-то и счастье — пред Богом отдаться навеки. Я этого хочу — ну, и дай мне, чего я хочу! Что еще выдумывать? Тебе все равно, венчаться или не венчаться, а я в ногах прошу: возьми меня, свяжи меня: пусть весь свет знает, что я охотой пошла в неволю... Жизнь моя!.. Но, что ж я говорю? Что мне еще тебе говорить? Ты знаешь... Поди сюда, ближе, наклонись ко мне, обними меня... Господи!.. Посмотри на меня. Я как маленький ребенок измучилась. Третьего дня, вчера весь день, сегодня весь день, плакала, плакала. Жду тебя — все нет. Оглянусь кругом — пусто, нет тебя... Теперь-то, Господи, какая ночь, темнота какая! Я не знаю, я до отчаяния дошла. Смотрю в окно, думаю: «ведь мы в одном городе, ведь близко, ведь *он* мой; если *он* и другую любит, все же, я — *его*; того уничтожить нельзя, что было...» Вскочила и побежала к тебе — схватила дрожки на углу, знаешь? Еду и плачу. «Боже мой», думаю: «дай мне... Да что «дай мне»? Вот прижаться к тебе, приютиться, умереть тут... Голубчик мой, милка моя...

Она говорила это тихо, не останавливаясь, как рассказывают дети, и плакала.

— Ведь я тебя как люблю! Ты не можешь иметь понятия. Столько лет твоя. Пора вздохнуть полегче. Ну, что было дурного, то прошло; кто был виноват, того Бог простит. Плакала от других, от тебя не хочу плакать. Полно. Скажи — *да* и полно. Поцелуй меня... Ты шутил; ты Бог знает из чего это говорил, так. Говори — да. Довольно. Я измучилась, ты измучился... Ну, говори же... Говори! Посмотри! станет у тебя духу отказаться от жены такой красавицы, такой влюбленной, такой сумасшедшей? Сейчас говори! Еще заставляет себя просить...

— Сумасшедшая... выговорил он, и ничего не стало слышно, кроме поцелуев.

— Ну? сказала она чрез несколько минут.

— Что? спросил он.

— Как, что? Говори, решай.

Он не отвечал.

Прошло еще несколько минут тишины, уж ничем не прерываемой; это было ожидание...

— Пусти меня, довольно! сказала она резко: она была оскорблена.

— Подожди. Присядь и послушай, сказал он тихо, будто в раздумьи.

— Что ж еще слушать?

— Ты сама хотела переговорить. Я заранее знал, что разговор ни к чему; но начали — надо кончить. Мы понимаем вещи разно; вот в чем все и дело. Надо разобрать прежде это...

— Общественный вопрос! вскричала она, хохоча; — как, опять за него? Только этого недоставало! Я три дня назад его довольно наслушалась, вашего вопроса! Гонит меня, убивает во мне душу — и за общественный вопрос! Прелесть, что это такое!.. Извольте, я слушаю. Мне теперь все равно. Я должна была этого ожидать... Забыть совесть, забыть Бога, и за все это — получить приглашение разработать общественный вопрос... Боже мой, Творец мой!.. Говорите, я слушаю.

Она села на диван подле меня.

— Я тебя попрошу вот что, сказал он тихо, подходя к ней: — ты себя считаешь правой...

— И ты себя считаешь правым.

— Ну, да. Считай себя правой, но помни только: я тебя люблю...

— Как любовницу вы меня любите! вскричала она: — как вещь вы меня любите! Я красива, вам жаль выпустить! До моего чувства вам нет дела! до моего достоинства, до моего мучения вам нет дела! Я хороша — вот и все, пригляжусь, ласка прискучит... Как же, в самом деле, связаться навечно...

— Как же ты-то хочешь связаться со мною навечно? прервал он, не возвышая голоса, но твердо, с силой и достоинством: — опомнись, чего ты наговорила! Я эгоист? я груб? я люблю тебя только чувственно?

— Я не ребенок: я понимаю...

— Понимаешь ли, что в твоих словах уж ни на волос любви?

— Я оскорблена!

— Кто кого оскорбляет? кто кого не уважает — я тебя, или ты меня? Я тебе сказал, доказал, повторял и повторяю, что я тебя люблю; я говорю только: не хочу официальности, не хочу обряда; хочу доверия, простого, прямого доверия на слово, как между честными людьми; хочу свободы в наших отношениях...

— Не свободы вы хотите, прервала она: — вы просто боитесь обязанности!

— Какой?

— Обязанности беречь вашу жену, уважать ее...

— Я уважаю и берегу женщину, которую люблю.

— И, в доказательство уважения, выставляете ее на суд целого света... Это понятие обязанности!

— Да ты-то как понимаешь обязанность? прервал он. — Я ничем тебя не оскорбил, а ты — клянешься и божишься в любви, бросаешься на колени, кричишь: «женись»! а сейчас сказала, что я негодяй? Как же нам после этого жить вместе?.. Конечно, для четы супругов

так и следует! Супруги все так-то блаженствуют: переругаются, да... Как же, союз! Бог благословил!

Он захохотал и толкнул стул, проходя по комнате.

— Я тебя просила не трогать того, чему я верю, сказала она.

— Я не трогаю твоей веры, успокойся, возразил он холодно: — у тебя понятия, у меня — мои: всякому свое. Я одного, вот, в толк не возьму: как ты с ними ладишь?

Он остановился подле нее.

— Браки ваши... когда вот так понимают человека, как ты сейчас расписала меня, что ничего не ценит, ничего не уважает, что нужны только любовницы, — ведь так сплошь и рядом рассуждают!.. Вот этакие-то браки, как у вас смелости достает призывать на них благословение Божие... если только вы верите в Бога? У вас все Бог на языке. Ну, я, человек поконченный, если стану объяснять, скажу что-нибудь не так, по-своему; по-вашему-то как? У меня нет идеалов; вы, с вашими идеалами... вам не кажутся гадостью, унижением, поруганием сделки эти, сожительства эти, клятвы эти навеки, — то есть, до первого проезжего молодца, до первой продажной дряни? все это освященное, все это... как по-вашему называется?.. «в законе»! знаешь ли? ведь неосвященное, беззаконное — то было бы не так гадко. Так уж: человек — животное, животным бы и жил. Логичнее, по крайней мере...

У него прервался голос от волнения, которого он больше не скрывал.

— И это тоже не оскорбление? спросила она сухо и резко.

— Что?

— Вот, что вы сейчас сказали. Что я готова... как вы сказали? броситься первому проезжему молодцу? Мне очень понравилось это выражение.

— Я сказал это?

— Вы забываете, что говорите.

— О тебе? крикнул он.

— О ком же еще? Ведь я изменила моему мужу...

— Если ты все так слушаешь... начал он и остановился. — Да, все равно, тем лучше, продолжал он поспешно и не возвышая голоса: — тем лучше. Ты сказала... после пятилетней любви!.. что я люблю тебя только как любовницу, а теперь довершила: я способен сказать тебе такую мерзость... Поди прочь...

Она кинулась к нему.

— Не надо мне твоих слез! вскричал он, отталкивая ее: — отвяжись с нервами! У вас все нервы: и любовь ваша нервы... и Бог ваш — нервы... Простить? Что? Ты прощеньем воротишь, вот, это? В тебе душа убита (он передразнил ей голос), а мне весело?

Она упала на диван и рыдала.

— Я тебе скажу, чего ты хочешь, продолжал он твердо и отрывисто, как человек раздраженный: — ты хочешь положения. Твое реноме тебе страх как дорого. Это изнаночка угрызений вашей совести, не отрекайтесь! Тут является и дочь, и материнская любовь, и все, о чем прежде и помину не было. Ты наслушалась общественных вопросов, а я *этого* наслушался. Ты бы прежде об этом думала, когда уверяла, что я для тебя выше всего. Зачем говорила лишнее? Теперь дошло до доказательств — ты назад, и в нервы! Что ж это, любовь? Разбери, разгляди и скажи попросту: «боюсь я до смерти, что от меня кузина такая-то, мадам такая-то двери запрут»... А Бога ты не боишься — вздор! Если б боялась — и пять лет назад ничего бы не было...

— Ты и этому не веришь? вскричала она.

— Не верю.

— Но как же я докажу тебе, что мне страшно влгзянуть на себя? как мне поклясться...

— Да никак. Я не поверю. Я вижу, что это.

— Что же?

— Сто раз повторять? Трусость, мелочность, недостаток любви.

— Я не люблю тебя?

— А то что же?

— Послушай, вскричала она: — это Бог знает что! Нет, это надо кончить!

— Как тебе угодно. Я с того начал!

— Может быть, уж и поздно, поздно! повторила она в отчаянии: — я сейчас была виновата перед тобой... Ты любишь меня еще меньше...

— Ну... да, отвечал он: — в эту четверть часа мне нехорошо было.

— Милый, ради всего святого!

Она бросилась на колени.

— Дай мне свои руки, прости меня, возьми мою жизнь...

— Не говори лишнего, прервал он.

— Прости меня! Не суди меня так... Что все нервы, да нервы... нет, право... Поверь же, это выше моих сил! Ну, подумай: ну, я буду с тобой... девочка моя как же? что же я ей скажу? куда я ее дену? Ведь и она будет меня презирать...

— Заставь, чтоб уважала.

— Но как же, как я это сделаю? Уважать? Что она услышит о своей матери? Что о ней самой скажут, по моей милости, когда она выростет?

— Выучи ее презирать тоже; ее жизнь впереди, в ее век по-нашему глупо жить не станут; покажи ей пример...

— Пример!.. Господи, какой пример! Это пример — мать бездомная, стыд забыла, грешница...

— Ну, кто ж мешает? вдовствуй себе честно, салон открой! Ну, мужа ей камер-юнкера, флёрдоранжи ей в голову. Каравай ей, попа, благословение родительское...

— Послушай!.. В последний раз! вскричала она вне себя: — в последний раз!

— Слушаю.

— Ты меня еще любишь?

— Как, люблю? Ты решила, что я люблю только, вот, твое тело; мы разно понимаем, как кто любит!..

— Хоть так... Любишь?

— Люблю.

— Я тебя люблю до безумия. Я умру, если с тобой расстанусь... Не бери на себя греха... Я страшно кончу.

— Не говори лишнего.

— Нет, не лишнеѓо... Я себя не помню... Ну, любишь, что ли?

— Люблю.

— Кому-нибудь уступить надобно. Уступи мне. Женись.

— Уступи ты, отвечал он и засмеялся.

— Почему? спросила она, потерянная.

— В тысячу первый раз, почему? Потому что будущего никто не знает. Неровен час. Я как-нибудь неловко затрону твои идеалы, или ты подаришь мне, вот, этакие полчасика — и все блаженство к чорту, а развязаться нельзя.

— Тогда выгони меня.

— Жену-то? А еще сама боится скандалов!

— А! вот в чем дело: ты сам их боишься! А то будет не скандал, не низость, не жестокость, когда ты влюбишься в другую, а меня, любовницу, выживешь? То будет честно?

— А как ты сама влюбишься в другого и убежишь?

— Я?..

— Кто тебя знает?.. Да и я не ангел, и меня не за что любить вечно...

— Послушай...

Она задыхалась.

— Ты видишь, я едва жива. Скажи мне, чего ты от меня хочешь?

— Теперь? Ничего больше.

— Ничего?

— Ничего.

— Я уеду завтра, помни это.

Он не отвечал.

— Я с моста брошусь, когда пойду отсюда.

— У тебя дочь... тихо сказал он.

Все затихло, только слышались ее рыдания и стоны; ей было больно. Он не шевелился. Это длилось долго. Она встала.

— Прощай.

— Прощай, сказал он.

— Послушай...

— Послушай, прервал он: — посмотри кругом; хорошо?.. Останься!..

Молчание сделалось страшно. Вдруг дверь распахнулась, и *ее* поспешные шаги послышались по корридору, к лестнице...

Сосед не ложился всю ночь и утро оставался дома. Утро было темное, точно не рассветало. В полдень, как всегда, раздался долгий свисток с железной дороги...

Уехала *она*, или нет?..

К вечеру за стеной поднялась возня: сосед выехал, люди убирали его вещи: он оставил квартиру.

[Предисловие к изданию 1866 г.]

Три года назад, когда появились эти сцены, они были приняты за то, что они есть в самом деле: за беглый очерк насущного, за простой случай, записанный без претензии решать, кто в нем прав или виноват; маленькая рамка, в которую сложился рассказ, не давала места даже несколько более подробному развитию действия и характеров. Целью рассказа было — только коснуться вопроса, тогда начинавшего занимать общество, что люди стесняются и страдают, когда ничто не мешает им удовлетворять своим стремлениям и никто не вынуждает их страдать. — В три года, общество далеко пошло в разборе этого вопроса, и, встречаясь с ним теперь в каком-нибудь литературном произведении, справедливо требует уже на намеков, а мнения определенного и ясно выраженного. Если нынешний читатель потребует того же от этих сцен, если они своей неполнотой и недосказанностью возбудят в нем недоразумение или недовольство — пусть послужит для него объяснением или оправданием цифра года, когда они написаны. Это — рассказанная беспристрастно одна из сторон нашего недавнего прошлого... В складе и характере нашей общей жизни виноваты мы все, а в любви крепостных времен, может быть, найдутся черты знакомые и нечуждые многим. Безыскуственная, записанная без разбора, а потому именно, более живая правда о старых печалях, может быть небесполезна, как указание в новой, начинающейся жизни...

Декабрь, 1865.

В. К.

Comparison of the 1862 Journal Text to Later Editions

The 1862 journal text was altered by the censor. The 1866, 1880, 1892, and 1912–13 versions all restore the cuts. Here is the 1880 text in both languages, with the words cut in 1862 crossed out and words added in 1862 to preserve continuity in bold. At the end of the first deleted passage in 1862, half of a hyphenated word was allowed to stand, which showed readers something was missing. As you see, the cuts not only softened the man's invective against religious hypocrisy, but also made it seem as if the woman were putting words in his mouth with "the first dashing young man to ride by."

"And how do you understand duty?" he interrupted her. "I have done nothing to offend you, and you swear oaths of love, get down on your knees, shout 'marry me!' and just now you said I was a scoundrel? How should we live together after that…? ~~Of course, that's just how it should be for a married couple! Everyone who's married knows that bliss: one moment they're at each other's throats, and then… But sure, it's a sacred union! Blessed by God!"~~

He laughed out loud and pushed aside a chair as he paced the room.

"I asked you to leave my beliefs alone," she said.

"I'm not attacking your ~~faith~~ **convictions**, calm down," he objected coldly. "You have your ideas, I have mine: to each their own. There is just one thing I can't make out: how do you make your peace with them?"

He stopped in front of her.

"These marriages of yours… when someone understands a man to be as you just made me out to be, that he doesn't value anything, doesn't respect anything, ~~only needs women as lovers~~—you hear things like that all the time…! Marriages like those, how do people like you have the nerve to call God's blessing down upon them… if, that is, you believe in God? ~~You all have God on your tongue every moment.~~ Granted, if I, hopeless man that I am, try to explain it, I'll say the wrong thing, say it my way, but how does it look to people with your beliefs? I have no ideals; you, with your ideals… you don't find them disgusting, an abasement, a mockery, ~~these transactions, these cohabitations,~~ these vows of forever—which means until the first ~~dashing young man rides by, until the first vile woman comes along selling her charms.~~ **opportunity** ~~All this is sanctified, all this is~~… how does your kind put it…? Lawful? Do you know, ~~if it were unsanctified and unlawful, it wouldn't be so revolting. That's the thing—if people are animals, then let them live like animals. It would be more logical, at least…"~~ **it's… simply a crime…?**

His voice gave out from an agitation that he no longer tried to hide.

"And that isn't an insult either?" she asked abruptly, without emotion.

"What?"

“What you just said,” she replied coldly. “That I am prepared… how did you put it? To throw myself **at the first opportunity** at the first dashing young man to ride by? I quite liked that expression.”

— Да ты-то как понимаешь обязанность? прервал он. — Я ничем тебя не оскорбил, а ты — клянешься и божишься в любви, бросаешься на колени, кричишь: «женись»! а сейчас сказала, что я негодяй? Как же нам после этого жить вместе?.. ~~Конечно, для четы супругов так и следует! Супруги все так-то блаженствуют: переругаются, да... Как же, союз! Бог благословил!~~

Он захохотал и толкнул стул, проходя по комнате.

— Я тебя просила не трогать того, чему я верю, сказала она.

— Я не трогаю ~~твоей веры~~ **твоих убеждений**, успокойся, возразил он холодно: — у тебя понятия, у меня — мои: всякому свое. Я одного, вот, в толк не возьму: как ты с ними ладишь?

Он остановился подле нее.

— Браки ваши... когда вот так понимают человека, как ты сейчас расписала меня, что ничего не ценит, ничего не уважает~~, что нужны только любовницы,~~ — ведь так сплошь и рядом рассуждают!.. Вот этакие-то браки, как у вас смелости достает призывать на них благословение Божие... если только вы верите в Бога? ~~У вас все Бог на языке.~~ Ну, я, человек поконченный, если стану объяснять, скажу что-нибудь не так, по-своему; по-вашему-то как? У меня нет идеалов; вы, с вашими идеалами... вам не кажутся гадостью, унижением, поруганием ~~сделки эти, сожительства эти,~~ клятвы эти навеки, — то есть, до первого ~~проезжего молодца, до первой продажной дряни?~~ **случая** ~~все это освященное, все это~~... как по-вашему называется?.. «в законе»! знаешь ли? ведь ~~неосвященное, беззаконное — то было бы не так гадко. Так уж: человек — животное, животным бы и жил. Логичнее, по крайней мере...~~ **это... чисто преступление?..**

У него прервался голос от волнения, которого он больше не скрывал.

— И это тоже не оскорбление? спросила она сухо и резко.

— Что?

— Вот, что вы сейчас сказали. Что я готова... как вы сказали? броситься **при первом случае** первому проезжему молодцу? Мне очень понравилось это выражение.

Works by Nadezhda Khvoshchinskaya

Nadezhda Khvoshchinskaya published poetry under her own name, prose fiction as V. Krestovsky, and literary criticism under a few different male pseudonyms, as well as a number of translations from Italian, French, Norwegian, and German. Below is a list of her original works of fiction (including prose drama). Click the following links for a more extensive bibliography of her work, with links to multiple editions, and a bibliography of contemporary and posthumous writing about her. To compile the list I drew on work by A. P. Mogiliansky, Mary Zirin, and Hilde Hoogenboom, an 1890 bibliography by D. D. Iazykov, and the Khvoshchinskaya Sisters Digital Collection.

Wherever possible I have included the English titles used by Hilde Hoogenboom (HH), Jehanne M. Gheith (JMG), Karen Rosneck (KR), or Mary Zirin (MZ). If an English translation of a work exists, the Russian title is in **bold**.

Prose in English, by translator

Andrew, Joe. "On the Way: A Sketch." In *Russian Women's Shorter Fiction: An Anthology, 1835-1860*, trans. and intro. Andrew (Oxford: Clarendon P, 1996).

Favorov, Nora Seligman. *The Brother* (Oxford World's Classics: Oxford UP, forthcoming).

McDonald, Erik. *The Meeting* (Minneapolis, 2022). E-book available at https://hdl.handle.net/11299/228406.

Rosneck, Karen. *The Boarding-School Girl* (Evanston, IL: Northwestern UP, 2000).

Solomon, Karla Thomas. "After the Flood." In *Russian Women Writers*, vol. 1, ed. Christine D. Tomei (New York: Garland, 1999).

Prose in Russian, by date of publication

1850

Анна Михайловна: Повесть (Anna Mikhailovna: A Novella)
English titles: "Anna Mikhailovna" (MZ 1994, JMG 2004)

Приходский учитель: Дневник (The Parish Teacher: A Diary), later republished as Дневник сельского учителя (The Diary of a Village Teacher)

1852

Еще год (One More Year), a continuation of Приходский учитель: Дневник (The Parish Teacher: A Diary) under 1850

Искушение: Повесть (Temptation: A Novella)
English titles: *Temptation* (HH 2002)

Утренний визит: Провинциальные сцены (Morning Visit: Provincial Scenes)

1853

Несколько летних дней: Очерк (A Few Summer Days: A Sketch)

Кто ж остался доволен?: Роман (Who Actually Ended Up Satisfied?)
English titles: *Who Actually Ended Up Satisfied?* (JMG 2004)
part of the cycle Провинция в старые годы (The Provinces in Years of Old)
English titles of cycle: *The Provinces in the Olden Days* (JMG 2004)

У жениха и у невесты: Сцена (At the Bridegroom's and the Bride's: A Scene)

1854

Испытание: Роман (A Trial: A Novel)
English titles: *A Trial* (JMG 2004)

В дороге: Рассказ знакомого (On the Way: A Story from an Acquaintance)
translated by Joe Andrew as "On the Way: A Sketch," 1996

Разговор: Очерк (A Conversation: A Sketch)

1855

Фразы: Деревенская история (Empty Words: A Country Story), later republished as Деревенская история (A Country Story) and as Деревенская история: Повесть (A Country Story: A Novella)

1855–1856

Для детского театра: Сцена (For the Children's Theater: A Scene)

1856

Последнее действие комедии: Роман (The Last Act of the Comedy: A Novel)
English titles: *The Last Act of the Comedy* (KR 2000, JMG 2004)
part of the cycle Провинция в старые годы (The Provinces in Years of Old)
English titles of cycle: *The Provinces in the Olden Days* (JMG 2004)

Свободное время: Роман (Free Time: A Novel)
part of the cycle Провинция в старые годы (The Provinces in Years of Old)
English titles of cycle: *The Provinces in the Olden Days* (JMG 2004)

1857

Советы. Сцена (Advice: A Scene)

Из связки писем, брошенной в огонь: Очерк (From a Bundle of Letters Thrown into the Fire: A Sketch)
English titles: "From a Bunch of Letters Thrown into the Fire" (JMG 2004)

Баритон: Роман (The Baritone: A Novel)
English titles: *The Baritone* (JMG 2004)

1858
Доброе дело: Очерк (A Good Deed: A Sketch)

Старое горе: Очерк (Old Grief: A Sketch)

Братец: Повесть (Brother Dear: A Novella) (read aloud by Ani Petrs on YouTube)
Translated by Nora Seligman Favorova as *The Brother*, forthcoming
English titles: "Brother Dear" (MZ 1994), *Brother Dearest* (JMG 2004)

1859
Недописанная тетрадь: Отрывок (Unfinished Notebook: A Fragment)

1857–1860
В ожидании лучшего: Роман (In Hope of Something Better: A Novel)
English titles: *In Hope of Something Better* (MZ 1994, KR 2000), *The Expectation of Something Better* (HH 2002), *Hoping for Something Better* (JMG 2004)

1860
Встреча: Роман (The Meeting: A Novel)
English titles: *An Encounter* (KR 2000), *The Meeting* (HH 2002); note the similar title used for Свидание (1879)

Сцены для детского театра (Scenes for a Children's Theater)

1861
Пансионерка: Повесть (The Boarding-School Girl)
Translated by Karen Rosneck as *The Boarding-School Girl*, 2000
English titles: "Boarding School Girl" (MZ 1994), *The Boarding-School Girl* (HH 2002, JMG 2004), "The School-Girl" (Sibelan Forrester, who notes that the title character "does not board at the school but only attends during the day")

1862
Стоячая вода: Повесть (Stagnant Water: A Novella)
English titles: *Stagnant Water* (JMG 2004)

За стеною: Очерк (Behind the Wall: A Sketch)
Translated by Erik McDonald as "Behind the Wall," 2025
English titles: "Behind the Wall" (JMG 2004)

1864
Домашнее дело: Повесть (A Domestic Affair: A Novella)
English titles: *A Domestic Affair* (JMG 2004)

Старый портрет — новый оригинал: Очерк (Old Portrait, New Original: A Sketch)
English titles: *Old Portrait, New Original* (JMG 2004)

1865
Недавнее: Роман (The Recent Past: A Novel)
English titles: *Recent Times* (MZ 1994), *Recently* (JMG 2004)

1868
Два памятные дня: Повесть (Two Memorable Days: A Novella)
English titles: *Two Memorable Days* (JMG 2004)

1869
Первая борьба: Из записок (The First Struggle: From Notes)
English titles: *First Struggle* (JMG 2004)

1870–71
Большая медведица: Роман (Ursa Major: A Novel)
English titles: *Ursa Major* (MZ 1994, JMG 2004)

1874
Счастливые люди: Отрывки из записной книжки (Lucky People: Excerpts from a Notebook)
English titles: "Happy People" (MZ 1994), *Lucky People* (JMG 2004), "The Fortunate People" (KR 2010)
see also Альбом: Группы и портреты (An Album: Groups and Portraits)

Альбом: Группы и портреты (An Album: Groups and Portraits)
The seven pieces that were ultimately collected under this title were first published in 1874, 1875, 1877, and 1889.
English titles: *An Album: Groups and Portraits* (JMG 2004, KR 2010)
English titles of individual parts that do not appear separately on this list: "At the Photographer's" (KR 2010), "In the Courtroom" (KR 2010), "Ridneva" (JMG 2004, KR 2010), "Veriagin" (KR 2010)

1876
На вечере: Отрывок из черновой тетради (At an Evening Gathering: A Fragment from a Notebook of Drafts)

1877
Из записной книжки (From a Notebook), later republished as Вера: Очерк (Vera: A Sketch)
English titles: "Vera" (JMG 2004)

Между друзьями: Очерк (Among Friends: A Sketch)
see also Альбом: Группы и портреты (An Album: Groups and Portraits) under 1874

1878
Былое: Роман (Times Past: A Novel)
the novel is unfinished (apparently eight chapters were written, of which the first five were published)

1879

Свидание: Повесть (The Meeting: A Novella)
Translated by Erik McDonald as *The Meeting*, 2022
English titles: “The Meeting” (MZ 1994), *A Meeting* (JMG 2004); note the similar English title used for Встреча (1860)

1880

Семья и школа (Family and School), later republished as Учительница (The Teacher)
English titles: *The Female Teacher* (JMG 2004)

1881

После потопа: Повесть (After the Flood: A Novella)
Translated by Karla Thomas Solomon as “After the Flood,” 1999
English titles: *After the Flood* (JMG 2004)

1883

Здоровые: Повесть (The Healthy: A Novella)
English titles: *The Healthy Ones* (KR 2000)

1884

Прощание (A Farewell)

1885–86

Обязанности: Роман (Duties: A Novel)
English titles: *Responsibilities* (JMG 2004)

1888

Жить, как люди живут: Заброшенный дневник (To Live As People Do: An Abandoned Diary)
English titles: *Living Like People: A Tossed-Off/Out Diary* (JMG 2004)

1889

Вьюга: Отрывок (The Blizzard: A Fragment)
English titles: “The Snowstorm” (MZ 1994), “The Blizzard” (JMG 2004, KR 2010)
see also Альбом: Группы и портреты (An Album: Groups and Portraits) under 1874